

Стюарты (1603-1688)

Джон Моррилл

Стюарты – одна из самых неудачливых английских династий. Карл I был подвергнут суду по обвинению в измене и публично обезглавлен; Яков II, в страхе перед такой же участью, бежал из страны, оставив королевство и трон. Яков I и Карл II мирно скончались в своей постели; однако Якову I не удалось воплотить в жизнь свои надежды и удовлетворить амбиции, в то время как Карл II, хотя ему и сопутствовала удача, был человеком на редкость равнодушным к каким-либо достижениям, он хотел лишь жить спокойной жизнью, впрочем, безуспешно. Самыми значительными событиями эпохи Стюартов стали двадцать лет гражданской войны, революция и попытка установить республиканское правление, которое, как предполагалось, должно было изменить весь ход английской истории; однако результат оказался не таким уж значительным. Короли и полководцы боролись за власть, а между тем в экономике и общественной жизни Англии происходили коренные изменения, которые во многом не были приняты во внимание правительством и не зависели от его воли. В действительности самым заметным изменением в жизни Англии XVII в. явилось снижение уровня рождаемости.

Общество и экономическая жизнь

С начала XVI в., если не ранее, в Англии наблюдался постоянный рост населения. Он продолжался и в первой половине XVII в. Все население Англии в 1600 г. составляло 4,1 млн человек (а население Шотландии, Ирландии и Уэльса, что гораздо менее точно – 1,9 млн). К середине века численность населения достигла своего пика, составив 5,3 млн человек, а население всей Британии выросло приблизительно до 6-7,7 млн человек. Затем численность населения не изменялась и даже понизилась до 4,9 млн человек в Англии и 7,3 млн во всей Британии. Причины роста населения, в целом достаточно стабильного, несмотря на некоторое замедление в результате повторявшихся вспышек эпидемии чумы до 1650 г., остаются загадкой. Согласно последним исследованиям, заслуга в этом принадлежала крепким семейным традициям. После того как эпидемия «черной смерти» закончилась, рост населения Англии, с ее плодородной землей и мягким климатом, благоприятствующим урожаю, возобновился. Каждая семейная пара производила на свет более чем достаточно детей, для того чтобы численность населения оставалась стабильной. Но вместе с тем степень прироста населения оставалась довольно низкой из-за английской традиции поздних браков. Представители всех социальных кругов связывали себя семейными узами в возрасте примерно двадцати пяти лет, и женщина находилась в детородном возрасте 12-15 лет. Причина таких поздних браков, по всей видимости, заключалась в обычае, побуждавшем молодых людей сначала собрать определенную сумму денег, достаточную для того, чтобы начать независимую жизнь до женитьбы. Состоятельные люди учились в университете, проходили правовое обучение, что занимало у них семь лет или даже более; менее состоятельные занимались бытовым обслуживанием.

В конце XVII в. браки заключались в еще более позднем возрасте; возможно, причиной тому была неспособность молодых людей сделать нужные сбережения в короткие сроки. Так или иначе, средний возраст вступающих в брак увеличился более чем на два года и превысил двадцать шесть лет, соответствующим образом сказываясь на рождаемости. Есть сведения о том, что численность семьи намеренно ограничивалась. Были приняты меры к тому, чтобы семьи, имеющие трех или более детей, воздержались от дальнейших зачатий. Например, мать кормила грудью третьего или четвертого ребенка намного дольше, чем первого или второго, с намерением (вполне результативным) понизить свою плодовитость. Широкое распространение получили примитивные способы контрацепции и половое воздержание. Некоторые источники говорят о том, что обычным явлением в среде мелкопоместного дворянства стало безбрачие (отчасти причиной этого послужило развитие

морского флота!). В конце XVII столетия в Южном Уэльсе каждый третий представитель верхушки дворянства воздерживался от вступления в брак, тогда как век назад ранее процент таких людей был весьма незначительным; к тому же среднее количество детей в семье понизилось с пяти до двух с половиной (при высоком уровне детской смертности это означало, что многие фамилии вымерли). Остается неизвестным, было ли это характерно только для дворянства или подобная общая тенденция охватила и другие социальные круги. Так или иначе, данный пример наглядно показывает перемены в демографической ситуации в целом.

Все это незамедлительно сказалось на экономической, общественной и политической жизни страны. В течение ста лет до 1640 г. объем запасов продовольствия не соответствовал росту населения. Сильная нехватка продовольствия повлекла за собой голод и смерть. По имеющимся сведениям, в конце XVI – начале XVII в. некоторые жители Лондона умерли от голода, а в Камбрии в 20-х годах XVII в. это явление приобрело массовый характер. Затем голод перестает быть серьезной угрозой, по крайней мере в Англии. Этому способствовало развитие сельского хозяйства, средств сообщения, рост займов, а также замедление роста населения. Англии удалось избежать периодической нехватки продуктов и повсеместного голодания – проблем, от которых еще в течение многих лет не могли избавиться страны континентальной Европы.

Важным результатом увеличения населения стал рост цен. За период с 1500 по 1640 г. цены на продовольствие выросли в восемь раз, тогда как заработная плата – менее чем в три раза. Это было тяжелое время для тех, кто не производил продукты питания сам и в количестве, достаточном для того, чтобы прокормить семью и даже продать излишки. Ввиду растущего числа наемных рабочих в данный период можно наблюдать снижение уровня жизни. Значительной части населения, если не большинству, приходилось покупать продукты; это составляло основную часть расходов. Главная задача, стоявшая перед правительством, заключалась в том, чтобы наладить торговлю зерном, организовать стабильные органы власти на местах и утвердить кодекс законов, соответствовавший действовавшему законодательству, чтобы в случае неурожая запасы зерна и других продуктов были доступны по низким ценам.

Рост населения повлиял не только на продовольственные ресурсы, но и на распределении земли. Поскольку в семье, как правило, рождалось несколько сыновей, имущество или делилось между ними (при этом размер наследства каждый раз сокращался), или владение переходило к одному сыну, в то время как другие должны были позаботиться о себе сами. Высокие цены на сельскохозяйственную продукцию оправдывали обработку земли, не входившей ни в чьи владения, но XVII столетии в большинстве районов такой земли осталось мало. Выходом из положения было освоение земли в лесной зоне и в Фенландах, где, однако, климатические условия (морские наводнения и зимние дожди) ограничивали ее использование. Проблема заключалась в том, что осушение болот или вырубка леса требовали определенных финансовых затрат, которые вполне могли не окупить себя, к тому же из-за этого нарушался привычный образ жизни местных жителей. Снова правительство оказалось перед выбором между увеличением сельскохозяйственной продукции и соблюдением интересов тех, кто проживал на данной территории.

В связи с ростом населения усиливалась проблема безработицы. В начале XVII в. широкое распространение получила неполная занятость населения. Сельское хозяйство оставалось основным источником рабочих мест, но работа на полях являлась сезонной, и сотни людей имели возможность трудоустроиться только на полгода. Однако так как работники всегда требовались, а их труд оплачивался дешево, так как производство основывалось по большей части на физической рабочей силе и, наконец, ввиду нехватки сырья развитие «промышленности» происходило в сельских коттеджах и в их служебных постройках. Для одних (особенно это касалось металлообработки и строительства) «мануфактура» являлась главным источником дохода, для других (занятых, например, в

текстильном ремесле) она могла быть как главным, так и второстепенным источником дохода. Текстильная «мануфактура» получила наибольшее развитие. По всей Англии в этой отрасли было занято 200 тыс. рабочих, особенно на юго-западе, на востоке и в районе Пеннинских гор. Однако состояние данной отрасли оставалось крайне неустойчивым из-за высоких цен на продукты, которые ослабляли отечественный рынок, а также из-за войны и конкуренции, которые сокращали зарубежный рынок в начале XVII в. Десятки тысяч семей не могли свести концы с концами. Безденежье делало их особенно уязвимыми перед лицом несправедливости, беспомощности или смерти. Возникло хроническое состояние «неполной занятости» – сложная проблема слишком многих людей ввиду нехватки работы с полной занятостью.

В Элденхэме (Хартфордшир) примерно каждая десятая семья нуждалась в постоянной помощи, а затем каждая четвертая семья стала нуждаться в пособии или в разного рода помощи (дрова либо одежда). Многим семьям, чтобы поддерживать свое существование, приходилось воровать дрова и собирать дикорастущие фрукты и овощи. Иногда им оказывали помощь местные благотворительные общества. Это явление получило название «кустарной экономики». В результате многие мужчины и женщины уезжали в города, прежде всего в Лондон, где легче решать проблемы такого рода. В городах можно было найти случайную, не требовавшую квалификации работу; но во время спада экономики или неурожая исчезала и эта возможность. Высокие цены на продукты уменьшали спрос на остальные товары и, соответственно, доход у людей, занятых в других отраслях. У самых нуждавшихся имелось меньше всего шансов найти работу. Правительство было вынуждено принять меры, чтобы выйти из этого положения. Оно приняло дополнительный свод законов о перемещении граждан, о строительстве домов и о развитии внешней торговли. Таким образом, из-за роста населения у правительства появились новые заботы, которые, очевидно, были не по силам правящей верхушке. Те, кто производил и продавал продукты питания, те, кто, пользуясь охватившим страну голодом, повышал арендную плату и пошлины, и, наконец, те, для кого сложное и нестабильное положение рынка являлось, источником работы (преимущественно юристы), – все эти люди хотели получать по результатам своей деятельности; другие ожидали, что король как-то смягчит результаты коренных перемен. Проводя активную экономическую политику, правительство всегда оказывается между противоборствующими сторонами. Поэтому нет ничего удивительного в том, что королевская власть потеряла доверие к себе.

Напротив, в конце XVII в. эти проблемы утратили свою актуальность, если не исчезли вовсе. Некоторое снижение роста населения облегчило положение. Большое значение имело повышение производительности сельского хозяйства. Характер и масштабы изменений, происшедших в сельском хозяйстве в XVII в., до сих пор не ясны. Тем не менее не остается сомнений, что начиная с 70-х годов XVII в. Англия, которая до этого закупала зерно, теперь стала его вывозить; правительство учредило специальные премии, для того чтобы избытки не хранились. Такой примечательный поворот событий отчасти объясняется тем, что все большая территория подвергалась вспашке, отчасти – тем, что осваивались новые земли и использовались новые методы орошения. Существенную роль сыграли также новые способы ведения хозяйства, которые заметно подняли урожай. Чередование различных сельскохозяйственных культур по полям и во времени, широкое использование удобрений позволили увеличить урожай зерна и численность поголовья скота. Эти методы преобразования сельского хозяйства, применявшиеся вплоть до начала XIX в., были известны еще в 1660 г.; по большей части они разработаны и испытаны в Нидерландах. Вопрос в том, насколько быстро их взяли на вооружение. В сельском хозяйстве Англии преобладал непреклонный консерватизм, особенно среди йоменов; здравые идеи соседствовали со многими предрассудками; наиболее эффективные методы предполагали значительное усовершенствование пользования землей, а подчас и существенные материальные затраты. В начале XVII в. самые распространенные нововведения были направлены не на повышение урожайности, а на использование излишков, особенно

промышленных культур, таких, как табак, тутовое дерево (для разведения шелкопряда), а также культур для производства красящих веществ. Только когда благодаря снижению численности населения увеличились доходы и понизились цены на зерно, вместо главенствующего стремления пустить в оборот как можно больше товара и земли фермеры стали уделять внимание повышению производительности. Изменились также условия сдачи земли в аренду, что стало приносить большую выгоду владельцам земли. Освоение новых земель тоже оставалось важным условием ведения хозяйства. Так или иначе, вмешательство правительства в торговлю зерном становилось все менее необходимым.

В 1600 г. Англия состояла из ряда экономически вполне самостоятельных регионов. Проблемы с кредитом и распределением затрудняли обмен товарами между регионами. Многие торговые города, в том числе центры графств, были основными местами реализации продукции данного региона. Так было до 1690 г. Англия давно являлась самой крупной свободной торговой зоной в Европе; если бы Корона в то столетие проявила больше заинтересованности, могла бы быть достигнута или приближена полная интеграция Ирландии и Шотландии в единую таможенную зону. Однако этого не произошло вследствие узкого своекорыстия лоббистов в Палате общин, особенно в первое десятилетие и в 60-х годах XVII столетия. В Англии не было места, удаленного от моря более чем на семьдесят пять миль, а в результате развития речного судоходства к 1690 г. осталось мало мест, удаленных от судоходных рек более чем на двадцать миль. Постепенно формировалась единая национальная экономика. Теперь регионам не надо было вести борьбу за выживание, занимаясь производством низкокачественных продуктов на неплодородной почве и при неблагоприятном климате. У каждого из них выделилась своя специализация в зависимости от особенностей почвы и климатических условий, стал осуществляться обмен на излишки продуктов других регионов. Например, в Кенте начало развиваться садоводство.

Подобная ситуация складывалась и в промышленности. Этому способствовала революция в области розничных продаж; начинался век торговли. В торговых городах существовали ряды, где хозяева или торговцы раскладывали товары, которые они вырастили или изготовили. К 1690 г. в большинстве городов, даже самых небольших, имелись магазины в современном понимании этого слова, т.е. это были места, где не только размещали товары данного региона, но и продавали другие необходимые товары, которые привозили из разных мест. Примером тому может служить магазин Уильяма Стаута. Согласно хронике, этот торговец в 80-х годах XVII в. снимал в Ланкастере магазин за 5 фунтов в год. Он ездил в Лондон и Шеффилд и закупал товары общей стоимостью свыше 200 фунтов; платил частично наличными (наследство от отца), частично брал товары в кредит. Вскоре Стаут стал делать закупки по всему миру и привозить в Ланкастер и прилегающие районы самую разнообразную продукцию: сахар из Вест-Индии, табак из Америки, скобяные изделия из Западного Йоркшира. Города становились центрами распределения продукции со всего мира, и люди съезжались в большие города, где выбор был разнообразнее, в то время как малые населенные пункты оставались в стороне от этого процесса. Поэтому в XVII в. рост городов происходил в крупных торговых районах. Численность населения примерно двадцати городов, которая уже составляла в среднем 10 тыс. человек, еще более возросла, в то время как население других городов уменьшилось. Отдельные центры мануфактур (Бирмингем и Шеффилд – металлообработка, Манчестер и Лидс – текстиль, Четхэм – кораблестроение) стали наиболее крупными городами. Но в число этих двадцати крупнейших городов в 1690 г. входили те же города, что и в 1600 г. Все они располагались на морском побережье или по берегам судоходных рек.

Таким образом, большие города процветали благодаря развитию торговли. Однако многие из них, особенно столицы графств, были не только центрами торговли товарами – они становились также центрами рынка услуг. Магазины и то, что столицы графств являлись местным и административными центрами, в которые постоянно приезжали сотни людей на заседания местных судов, способствовали развитию сферы услуг и отдыха.

Дворяне и преуспевающие землевладельцы приезжали в город по делам или за покупками, за консультацией юриста, врача или агента по продаже недвижимости; они привозили свои семьи и участвовали в общественных мероприятиях: ходили в театры и на концерты. Начинался век курортов и центров отдыха.

В середине XVII столетия в самом большом городе Франции – Париже проживало 350 тыс. человек. Второе и третье места занимали, соответственно, Руан и Лион с населением 80-100 тыс. человек. В Европе было только пять городов с населением более 250 тыс. человек, но больше чем в сотне городов население составляло 50 тысяч. Однако в Англии население Лондона в 1640-1660 гг. намного превышало полмиллиона человек; население же Ньюкасла, Бристоля и Нориджа, которые соперничали за второе место, едва достигало 25 тысяч. Лондон был больше, чем следующие по численности населения 50 городов вместе взятые. Нельзя не прийти к выводу, что Лондон рос за счет других городов. Он полностью контролировал торговлю с заокеанскими странами и – как следствие – первые банковские и финансовые операции; в результате большинство морских путей проходило через Лондон. В XVII в. он был центром торговли «резэкспорта» (ввоз из колоний сырья, например сахара или табака, для обработки и поставки в страны Европы). В Лондоне располагалось правительство, он являлся средоточием законодательной и политической власти. Пока сельскохозяйственные районы Англии жили за счет того, что поставляли продовольствие в столицу, рост других городов замедлился. К 1640 г. 10% всех англичан жили в столице, из них шестая часть прожила там половину жизни. К 1690 г. сто самых богатых жителей Лондона были среди самых богатых жителей Англии. Богатство больше не являлось преимуществом землевладельцев.

Так как товары свободно распространялись по стране, жители могли оставаться на одном и том же месте. До и после гражданской войны более двух третей англичан заканчивали жизнь не там, где они родились. Вместе с тем большинство из них не уезжало далеко, а оставалось в пределах одного графства. Можно выделить два вида миграции. Первый составляли молодые люди, которые уезжали с целью учиться или снять ферму в аренду. Такое переселение в течение всего века оставалось локально ограниченным (кроме приезда людей со всей страны в Лондон на учебу). Во втором случае отправлялись в путь те, кто не мог найти работу; эти люди часто уезжали далеко в надежде устроиться хоть где-нибудь. Такое перемещение населения было характерно скорее для первой половины века, чем для второй, отчасти из-за того, что замедление роста населения и развитие экономики открывали возможность найти работу у себя дома, отчасти вследствие того, что улучшилось отношение к дееспособным безработным, а отчасти в результате принятия жестких законов о поселении, которые препятствовали миграции. В 1662 г. Парламентский акт дал констеблям и надзорителям право налагать взыскания на тех, кто переезжал из прихода в приход в поисках свободной земли для постройки коттеджей.

В XVII столетии впервые в истории Англии больше людей выехало из страны, чем приехало. В течение столетия почти полмиллиона жителей, преимущественно молодые мужчины, эмигрировали через Атлантику. Самая большая группа отправилась в Вест-Индию; другая, также значительная, – в Виргинию и католический Мэриленд, и гораздо меньше людей отправилось в пуританскую Новую Англию. Уровень эмиграции изменялся, и, скорее всего, он достиг своего пика в 50-60-х годах XVII в. Для многих покинувших страну поиски работы и лучшей жизни явились основной причиной отъезда. Однако для достаточно заметного меньшинства превалировала идея свободы от религиозного преследования и надежда на то, что они смогут основать церкви и почитать Бога согласно своей вере. Возросло число тех, кого вывели насильственным путем в наказание за преступления или просто за бродяжничество (особенно в 50-х годах XVII в.). Помимо переселения за Атлантику определенное число граждан пересекло Ла-Манш и обосновалось в Европе. Очевидно, по большей части это были выходцы из католических семей, которые уезжали из-за своих религиозных убеждений или поступали на военную службу по найму. Сказанное относилось и к младшим сыновьям протестантов. Сотням из

них было суждено вернуться, чтобы участвовать в гражданской войне в Англии. Таким образом, если в XVI в. Англия была известна как пристанище для религиозных эмигрантов, то в следующем веке в Европу и Америку переселялись религиозные эмигранты из Англии. В начале XVII столетия в страну приезжало гораздо меньше людей, чем в последние десятилетия. Значительное число иммигрантов составляли евреи, которые стекались сюда после того, как кромвелевский режим отменил все препятствия к их поселению, а также французские гугеноты, бежавшие от преследований Людовика XIV в 80-х годах XVII в.

Все меньше людей обосновывались далеко от места своего рождения. Однако люди больше ездили по Англии. Число разносчиков, возчиков и других людей, занятых подобным образом, возросло в три-четыре раза. На столько же увеличился объем морской торговли. На дорогах можно было встретить множество мелких торговцев с газетами, трактатами, календарями, сказками и брошюрами, содержащими народную мудрость, разносчиков с разными безделушками и бродячих актеров. Если раньше пивная противопоставлялась другому общественному центру сельской жизни – приходской церкви, то теперь это заведение скорее стало ее полноправным соперником в деле распространения новостей и формирования народной культуры. В начале XVII в. национальные и региональные власти беспокоились прежде всего о том, чтобы ограничивать и так недостаточное количество ячменя, используемого для производства пива; в конце века пивные привлекали внимание правительства главным образом как потенциальный источник мятежа.

За столетие с 1540 по 1640 г. грань между богатыми и бедными стала более размытой. Самые богатые люди в королевстве получали доход главным образом от ренты и государственной службы, но зарабатывать деньги таким путем было крайне трудно в условиях инфляции: этому мешала традиция долгих сроков аренды и фиксированной платы, а также постоянно меняющаяся «входная плата» – платежи, производимые при передаче арендованных земель в другие руки. Осмотрительные землевладельцы могли справиться с инфляцией, но многие не были осмотрительными. Точно так же для тех, кому фермы или предприятия не приносили достаточного дохода, повышение (или, что хуже, колебание) цен на продукты питания было серьезным ударом, в то время как перегруженность рынка труда и снижение заработной платы создавали большие проблемы для бедняков. Увеличивалось число безземельных работников и крестьян. В наиболее выгодном положении оказались средние слои населения – фермеры и торговцы. Если у них оставались излишки продукции, они могли продать их по повышенным ценам и продолжить производство с помощью дешевой рабочей силы. Они могли также давать в долг своим более бедным соседям (в то время не было ни банков, ни бирж, ни акций, ни строительных обществ) и наживаться на этом. Они все больше вкладывали капитал в землю, предпочитая расширять масштаб своих операций, нежели концентрироваться на повышении производительности труда. Многие из тех, кто преуспел в землепользовании, пополнили ряды мелкопоместного дворянства.

В Англии XVII в. только два класса населения имели «социальный» статус – джентри и пэры. Все остальные имели «экономический» статус и выполняли экономические функции (земледельцы, сапожники, торговцы, юристы и т. д.). По-другому обстояли дела с пэрами и джентри. Они стояли особняком по отношению к иным слоям общества и считались благородным сословием. Пэры и дворяне назывались благородными, остальные – неблагородными или чернью. Такое отношение отчасти основывалось на феодальных и рыцарских традициях, согласно которым король жаловал землю за военную службу. Эти обязанности давно исчезли, но представления о том, что владение землей и «манором» дарует статус и «честь», подкреплялись теперь аристотелевскими идеями об обязанностях гражданина, адаптированными к английским условиям. Дворянин, или аристократ, рождался для того, чтобы управлять. Он был независим и не должен был работать, он получил состояние, не приложив к этому никаких усилий, и не знал нужды; и у него было время, чтобы посвятить себя искусству политики. Он был независим в своих суждениях и

умел принимать решения. Не все дворяне занимали посты, которые требовали таких качеств (мировой судья, шериф, командир ополчения (*militia*), старший констебль и др.). Но все они имели возможность служить, управлять. Джентльмену полагалось быть гостеприимным, щедрым и справедливым. Он отличался от своего соседа по поместью, йомена, не только богатством, но и мировоззрением. У мелкопоместных дворян (джентри) и йоменов были такие же доходы. Однако они жили разной жизнью: джентльмен сдавал свои земли в аренду, дорого одевался, читал по-латыни; йомен был рабочим фермером, одевался просто и писал по-английски. К 1640 г. насчитывалось примерно 120 пэров и 20 тыс. джентри, т.е. двадцатая часть всего взрослого мужского населения. Из соображений сохранности земли и дохода с нее дворянский титул могли получать только землевладельцы; зажиточному торговцу или ремесленнику, даже если его доход был больше, чем у многих дворян, и он исполнял определенные обязанности в составе местного правительства, в дворянском титуле отказывали. Он должен был работать, от этого зависел его доход. Младшие сыновья дворян, обучавшиеся праву или торговле, свой титул не сохраняли. Однако они приобретали профессии, посредством которых их сыновья могли вернуть его. У богатого купца или юриста была возможность купить поместье и обосноваться в нем в конце жизни.

В конце XVII в. этот порядок вещей изменился. Теперь обстоятельства сложились не в пользу крупных фермеров: они облагались налогами в больших размерах, им приходилось больше платить за труд наемным рабочим, их доход уменьшился; они могли поправить положение, вкладывая значительные суммы в создание более высокоразвитого производства, но у крупных землевладельцев для этого было больше возможностей. Теперь мало кто из йоменов поддавался соблазну стать дворянином, а многие мелкопоместные дворяне прекратили бесплодные попытки делать вид, что они преуспевают. С другой стороны, специалисты в своем деле, торговцы и губернаторы городов все увереннее заявляли о себе как о равных дворянам и в знак уважения получали их титул. Для того чтобы осуществлять это без предварительной покупки земли, понятие знатности было расширено. Такая новоявленная знать обрела все большее уважение и признание, даже среди герольдов. Однако многие дворяне не признавали ее и яростно защищали титул, которым так дорожили. Обесцененному понятию «джентри» они противопоставили другое понятие, которое возвращало им их уникальность и значимость: они стали называть себя сквайрами, а свой круг – «сквайерархией».

За столетие с 1540 по 1640 г. произошло усиление среднего класса общества за счет низов и отчасти за счет верхов. После 1640 г. для бедных съемщиков жилья наступило некоторое облегчение, в то время как возросли затруднения у крупных фермеров и мелких арендаторов. К 1690 г. стали появляться люди, чьи интересы, богатство и власть простирались намного дальше пределов их поместий. Они вкладывали капитал в торговлю, в освоение природных ресурсов страны, а также предоставляли займы правительству, способствовали развитию сельского хозяйства и сдавали землю в аренду. Они проводили в городе не меньше времени, чем в своих поместьях, и чувствовали себя так же свободно в окружении богатой элиты Лондона, как и с сельскими соседями. Они образовали космополитическую культурную элиту, состоявшую из людей очень высокого достатка, включая многих пэров, но не ограничивавшуюся ими. Этот новый феномен был осознан уже в то время и нуждался в обозначении, в общественно признанном наименовании. Эти люди стали называться аристократией (термин, доньше сохраненный главным образом политическими мыслителями, как и термин «демократия», но мало употребляемый при социальном анализе). Изобретение понятия «сквайр» и приспособление слова «аристократ» дают нам достаточно наглядную картину развития общества в конце XVII в. Объединение города и деревни, распространение городских ценностей и веяний, плавное развитие экономики и изменчивость общества – характерные черты того времени. К 1690 г. в Англии сложилась элита, доступ в которую посредством богатства и власти не был ограничен архаичными идеями о привилегиях и культом чистоты рождения, как в большинстве стран

Европы.

Правительство и закон

Правительства Стюартов имели слабое представление об этих структурных изменениях и еще меньше возможностей повлиять на них. Им не хватало средств, чтобы удовлетворить те запросы и оправдать те ожидания, которые были у большинства населения по отношению к королю и у короля по отношению к себе.

В распоряжении королей были ограниченные финансовые и бюрократические ресурсы. Яков I получил в наследство состояние в размере 350 тыс. фунтов стерлингов в год. К концу 30-х годов XVII в. оно возросло до 1 млн фунтов стерлингов в год, а к 80-м годам – до 2 млн фунтов стерлингов. Это значительное увеличение. Следовательно, на протяжении всего XVII в. у Стюартов было достаточно средств на проведение своей политики в мирное время. В течение века государственный доход с королевских земель снижался, пока не стал лишь незначительной частью доходов короля. Теперь доходы в казну поступали главным образом как результат налогов с торговли – таможенных пошлин на ввоз и вывоз товаров из страны и акцизных пошлин, а также налогов на продажу основных потребительских товаров (особенно пива!). Во время гражданской войны и междоусобицы (когда большую часть доходов составляли налоги с имущества) прямое налогообложение сыграло решающую роль в бюджете. В 1603-1640 и 1660-1689 гг. в казну таким образом поступало лишь около 8% всех доходов, определенно меньше, чем в XIV и XVI вв. Отчасти это отражает административные проблемы, которые препятствовали справедливому распределению налогов.

Расцвет торговли, особенно с 1630 г., явился самой существенной причиной значительного роста доходов Короны (намного превышавших инфляцию), которые способствовали тому, что из всех династий Европы у Стюартов было меньше всего долгов. И Яков I, и Карл II не отличались экономностью, они часто с излишней щедростью покупали верность подданных. Однако проблемы Стюартов явственно обозначились уже при Елизавете. Во всей Европе в XVI-XVII вв. правители под угрозой иноземного вторжения создавали новые формы налогообложения, которые впоследствии сохранялись. К такой уловке вынужден был прибегнуть и Вильгельм III в 90-х годах XVII в., когда Англию осаждали деспотичный Людовик XIV и фанатик Яков II. Поскольку Стюарты никогда не оказывались перед лицом настоящей опасности вторжения, у них не было достаточного оправдания жестких денежных нововведений. У Елизаветы I имелась прекрасная возможность для этого в годы Армады, но она была слишком стара, консервативна и занята другими делами. Вместо этого в ходе участия в войне королева стала продавать землю. Хотя в результате положение Якова I и Карла I не стало сложнее, чем можно было бы подумать, это повлекло за собой одно немаловажное последствие: короли стали делать займы.

Стюарты постоянно располагали достаточным доходом и стабильным бюджетом. Они являлись практически единственной династией того времени, всегда готовой платить по долгам; только один раз, в 1670 г., они были вынуждены отложить выплату процентов со ссуды. Однако у них никогда не хватало денег для успешного ведения войн. Ввиду того что в течение всего столетия вплоть до 1689 г. никто не угрожал Англии нападением и не объявлял ей войну, это не являлось серьезной проблемой. Англия вела войны с Испанией (1624-1630), Францией (1627-1630) и Нидерландами (1651-1654, 1665-1670, 1672-1674), но она всегда выступала в качестве агрессора. Нельзя сказать, что те, кому эти войны были выгодны, не достигли своих целей; по причине взаимных уступок никто не проиграл. Борьба за колонии (в Южной Азии, в Африке, в Северной, Центральной и Южной Америке) усиливалась, никто не хотел оставлять свои территории, и освоение новых земель неуклонно продолжалось. Вооруженные конфликты в Европе были признаны бесплодными, они приводили только к истощению военно-морских ресурсов, что, в свою

очередь, препятствовало развитию флота. В 1689 г. британский флот не уступал голландскому и французскому, а за время войн следующих 25 лет он стал самым сильным в Европе. Для страны, которая не могла позволить себе проводить активную внешнюю политику, Англия в течение этого столетия существенно улучшила свое положение в мире.

Королевство не обладало развитой силовой структурой: отсутствовала постоянная армия и полицейская организация. Даже гвардейские полки, охранявшие короля и исполнявшие церемониальные функции, были сформированы уже в период Реставрации. В 1603-1640 гг. количество людей, находившихся на военной службе у короля, исчислялось не тысячами, а десятками. После 1660 г. на постоянной военной службе в Англии состояло уже около 3 тыс. человек и еще больше в Ирландии и Танжере (который перешел к Карлу в качестве все время приносившего беспокойство приданого его португальской жены). Несколько тысяч англичан, служивших в голландской и португальской армии, могли быть вызваны на родину в случае необходимости. Однако в самой Англии присутствие армии не было заметно, и, не считая борьбы с незаконным выращиванием табака на западе страны и периодических облав на еретиков, ее роль сводилась к минимуму вплоть до правления Якова II.

Это не было, конечно, последствием гражданской войны. В самый разгар конфликта, в 1643-1644 гг., на военной службе находилось около 150 тыс. человек (каждый восьмой взрослый мужчина). В конце 40-х годов XVII в. их число сократилось до 25 тысяч. Оно снова возросло до 45 тыс. во время третьей гражданской войны, которая велась против молодого Карла II и шотландцев (1650-1651), затем упало до 10-14 тыс. и оставалось примерно таким же в течение последних лет десятилетия (хотя в отдельные периоды в Шотландии и Ирландии служили, соответственно, от 18 до 40 тыс. человек). Военные гарнизоны находились на всей территории Англии. В Лондоне присутствие военных было весьма заметным, солдаты численностью примерно 3 тыс. человек занимали все общественные места (в том числе собор Св.Павла, неф которого приспособили под казармы). Военные часто вмешивались в дела местной администрации (прежде всего в дела Церкви). В то же время армия была единственным гарантом правительств республиканского меньшинства, а также источником недовольства, которое в течение долгого времени препятствовало принятию идеи царевийства и революции широкими слоями населения.

На протяжении остальной части столетия главной силой, отражавшей нападения и подавлявшей восстания, была не постоянная, а милиционная армия: недостаточно хорошо подготовленные и вооруженные, подчас весьма плохо организованные оборонительные силы на местах, собранные и возглавляемые представителями местного дворянства, назначенными Коронай, но не подчиненными ей. Они участвовали в активных военных действиях или в перестрелках и разделяют лишь часть военных успехов 1642-1645 гг.

В то время полиции не было вообще. Небольшое число преступлений «расследовали» власти. Уголовный суд проводился в результате обвинения, или свидетельства, жертвы либо потерпевшей стороны, представлявшегося на рассмотрение мировым судьям. Аресты производили сельские констебли, простые фермеры или ремесленники, нанимавшиеся на эту службу на год, или шерифы (также служившие по году), в распоряжении которых были низкооплачиваемые помощники. Бунты и беспорядки подавляли милиционные войска, или *posse comitatus* (ополчение графства), призывавшиеся в случае необходимости шерифом.

Королевская власть располагала лишь незначительной вооруженной поддержкой и слабыми административными ресурсами. Общее число чиновников составляло в 1630 г. около 2 тыс. человек, при этом половина относилась к придворным слугам (повара, конюхи и т. д.). «Государственных служащих», которые управляли Англией или, во всяком случае, которым платили за то, чтобы они управляли Англией, насчитывалось меньше 1 тысячи. Поражает малочисленность сотрудников судов и Тайного совета. Объем информации, поступающей к тем, кто должен был принимать решения, существенно ограничивался нехваткой людей, занимавшихся сбором фактов, равно как и несовершенством системы

поиска и хранения данных. В течение XVII в. государственный аппарат постепенно сливался с военно-морским управлением и финансовыми ведомствами (образовалось министерство финансов, которое отвечало за распределение денежных средств). В результате гражданской войны появилось два нововведения – арабские цифры вместо римских в официальных документах и печатные опросные листы. Хотя Тайный совет увеличился в три раза в период с 1603 по 1640 г. и в два раза при Карле II, эффективность его работы снижалась, а введение подкомиссий Совета по иностранным делам, торговле, колониям и др. не повысило уровень эффективности управления государством, достигнутый при Елизавете.

В Англии XVII в. правительство формировалось как правительство согласия, что означало – при участии Парламента. Более того, чиновники входили в его состав на добровольной и бесплатной основе. Управление графствами находилось в руках приблизительно 3 тыс. наиболее знатных дворян в начале XVII в. и около 5 тыс. – в конце столетия. Их избирала Корона, но ее свобода существенно ограничивалась в каждом графстве выбором примерно пятидесяти из восьмидесяти высших по имущественному положению и репутации семейств. На деле все главы дворянских семейств, за исключением тех, кто был слишком молодым, слишком старым, слишком сумасшедшим или слишком католиком, назначались. В 200 городах с самоуправлением власть принадлежала сообществу из 12-100 человек. В большинстве мест эти люди оставались у власти до конца жизни. Только в 80-х годах XVII в. была предпринята серьезная попытка ограничения прав сельской и городской элиты. Значение участия местной элиты в управлении государством очень велико. Она контролировала налогообложение и сбор налогов; содержание, подготовку и размещение ополчения (*militia*); исполнение законов в социальной и экономической сферах; суд над большинством преступников, а также единообразие в религиозной сфере. Ее фактическое влияние было сильнее в период Реставрации, чем до войны (Реставрация была триумфом скорее для местной знати, чем для короля или Парламента). Искусство правления в XVII в. заключалось в том, чтобы убедить тех, кто находился у власти в сельской местности и в городах, в наличии общих интересов у них и у короля. По большей части эти общие интересы были налицо. И король, и дворянство находили общий язык в отношении политики; они разделяли сходные взгляды на структуру общества; у них было общее стремление установить в стране порядок и стабильность. Все это побуждало дворян подчиняться королю, даже если им это было не по душе. Как сказал один джентльмен своему другу, который жаловался на то, что он, похоже, должен незаконно собирать налоги в 1625 г., «мы не должны показывать пример непослушания тем, кто ниже нас». Представители местной знати вели бесконечные споры и борьбу за свои интересы. Это касалось процедурных вопросов или почестей, налогообложения, продвижения по службе или затрат на строительство дорог. В таких случаях их могли рассудить король и Тайный совет. Все местные правители нуждались в королевской поддержке для укрепления своего влияния на местах. Тот, кто не брал сторону короля, не мог рассчитывать на такую поддержку. Правительство старалось держать местных правителей на коротком поводке. В 1603-1640 гг. многие из них выполняли свой долг, даже если сами боялись делать то, что от них требовали; после 1660 г. такое же действие оказывала страшная память о гражданской войне. Только когда в 1641 г. Карл I и в 1687 г. Яков II перестали считаться с этими людьми, обладавшими землей, богатством и властью, общность интересов короля и знати была поколеблена.

Не следует недооценивать всю строгость королевского контроля над институтами, формировавшими веру и мнение. Корона не осуществляла полного контроля над школами и университетами, церквями и газетами. Однако учителя, священники, писатели поддерживали королевский авторитет и установленные взгляды на общество и религию. Яркий пример тому – быстрота, с которой распространились идеи архиепископа Лода и его сторонников (которые, как мы увидим, хотели внести изменения в английскую Церковь), особенно в Оксфорде и в Кембридже, где преподаватели передавали свои взгляды целому

поколению студентов. В 80-х годах XVII в. признание божественного права короля было полным; это явилось результатом контроля Короны над ключевыми должностями в университетах. Во время Реставрации граф Кларендон заявил Парламенту, что неудачи Кромвеля в деле управления учебными заведениями и преподавателями – главная причина того, что в 50-х годах XVII столетия. Англиканская церковь процветала, а возвращение короля стало одним из лучших периодов ее существования. Граф принес свои заверения правительству в политической лояльности и религиозной ортодоксальности тех, кто занимал должности преподавателей; очевидно, что в конце XVII столетия это осуществлялось более эффективно, чем в любое другое время. Даже после 1689 г., когда сектантам было предоставлено право религиозных собраний, они не могли открывать свои школы или академии.

Начало правления Стюартов

Итак, у Короны было внушительное, но непрочное преимущество. В том, что политическая система Тюдоров распалась, вызвав гражданскую войну и революцию, а затем и монархия, и Церковь восстановились, заняв предназначенное им место, не было ничего удивительного. Лишь немногие допускали возможность войны в 20-30-х годах XVII столетия, в то время как она была вполне вероятной в 80-90-х годах XVI в. Мало кто верил в 60-70-х годах XVII в., что республиканским идеям и религиозному фанатизму нанесен окончательный удар.

Во время правления Елизаветы существовала тройная угроза гражданской войны: из-за неопределенности в наследовании престола, из-за страстей соперничающих религиозных группировок и из-за скрытого интереса стран континентальной Европы к домашнему англо-ирландскому спору. Все эти крайние опасности исчезли или потеряли свое значение в 20-30-х годах. Стюарты прочно занимали престол по неоспоримому наследственному праву, английские католики были лишены официального статуса и довольствовались тем, что гонения на них сведены к минимуму (с них взимали дискриминационные пошлины и налоги, им запрещалось занимать публичные должности), а попытка пуритан занять главенствующее положение в Церкви путем создания собственных организаций и структур провалилась. Пуританское благочестие и рвение были широко распространены, но его принципиальные характеристики теперь включались в сущностные формы англиканства, в его молитвенные практики и каноны как добавление и пополнение к собственным службам, проповедям и молитвенным собраниям. Сверх того пуритане стремились привнести религиозность в домашний быт, что не отменило, но поддерживало приходский культ. Эти дополнительные формы были для пуритан сутью, а службы по молитвеннику – лишь оболочкой их преданности христианству; однако уровень конфронтации между пуританами и властями понизился, и их готовность создать подпольное движение сопротивления королям-безбожникам сошла на нет. В результате ослабления напряжения и конфликтов у королей на континенте пропал стимул вмешиваться во внутренние дела Англии. Таким образом, в начале XVII в. в Англии не осуществляло угрозы гражданской войны. Более того, ничто не указывает на то, что в стране царило беззаконие и насилие. Напротив, не считая короткого волнения, вызванного попыткой графа Эссекского восстановить свое положение при Дворе, 1569-1642 годы составляют самый долгий период внутреннего мира, которым когда-либо наслаждалась Англия. В 1605-1642 гг. ни один пэр и, пожалуй, ни один джентльмен не были осуждены за измену. За это время казнили только одного пэра (лорда Каслхейвон в 1631 г. за преступление сексуального характера). В целом число судов и казней за измену сокращалось с каждым десятилетием.

Англия в начале правления Стюартов, наверное, самая мирная страна Европы. Больше трупов было на сцене при постановке «Гамлета» или «Тита Андроника», чем в каком-либо вооруженном столкновении за первые сорок лет столетия. Не было слышно о кровавых феодальных распрях, об убийствах, свершаемых череда за чередой соперничающими

группировками. В Англии не было ни разбойников, ни бандитов, ни даже групп вооруженных бродяг, кроме разве что случайных сборищ Moss Troopers («Моховые, болотные, солдаты») на границе с Шотландией. Если в конце XVI в. разногласия между представителями власти графств переходили в драки или вооруженные конфликты (как в Чешире в 70-х и в Ноттингемшире в 90-х годах), то в XVII в. уважение к правосудию предотвращало подобную жестокость.

Англичане известны своей любовью к спорам, но они были готовы подчиняться решениям королевского суда. Судебная система оставалась во многом несовершенной; многие присяжные были пристрастны в своих вердиктах; задержанных запугивали и нарушали их права. Однако число убийств сократилось. В 1628 г. случайный фанатик заколол герцога Бэкингема, но лишь немногие из служащих Короны: лорды-лейтенанты, их заместители, мировые судьи или шерифы – погибали или получали увечья при исполнении служебного долга. Некоторых судебных приставов, отбиравших продукты у тех, кто не платил аренду или налоги, били или изгоняли; но в остальном в первые десятилетия века создавалось полное впечатление законности и порядка, что являлось главной целью властей. Даже бунты (как правило, вызванные нехваткой зерна или огораживанием, лишавшим фермеров и ремесленников возможности хорошо зарабатывать) с каждым десятилетием становились все менее частыми и многочисленными. К тому же они проходили практически без кровопролития и без жертв. Власти вели себя соответствующе: за участие в бунте в Мэлдоне в 1629 г. были казнены четыре человека; это произошло через несколько недель после подавления предыдущего волнения. Представители власти старались воздерживаться от применения силы и избегали вынесения суровых приговоров. Бунты не представляли большой угрозы ни для государства, ни для общественного порядка.

Тот факт, что для многих гражданская война стала неожиданностью, лишь означал, что большинство существенных проблем остались незамеченными. Англия в нарастающей степени теряла управляемость. Если ни экипаж, ни пассажиры самолета не догадываются о возможном столкновении, они не могут предотвратить столкновение. Но самолеты могут разбиваться как по причине технической неисправности, так и из-за ошибки пилота. Причины гражданской войны в Англии слишком сложны, чтобы можно было объяснить их с помощью такого простого сравнения; однако представляется вероятным, что гражданская война была скорее следствием ошибки пилота, чем технической неисправности. Когда наши современники по прошествии столетий оглядываются назад, в прошлое, пытаясь понять причины «Великого мятежа», они полагают, что все началось в 1625 г., с восшествия на престол Карла I. Возможно, эти люди правы.

Яков I, несмотря на серьезные недостатки в характере и суждениях, во всех отношениях преуспел в своем правлении. Он был полной противоположностью королевы Елизаветы. У него сложился четко выраженный, последовательный взгляд на природу монархии и на власть короля, однако он не смог реализовать его на практике. Яков отличался развитым интеллектом, писал работы по управлению государством, участвовал в дебатах с ведущими католическими полемистами на теологические и политические темы, в своих литературных трудах уделял внимание старой, но все еще актуальной проблеме колдовства, а также новой проблеме выращивания табака. Он верил в то, что короли получают власть непосредственно от Бога и должны отвечать за свои поступки только перед ним. Но помимо этого Яков был убежден в том, что связан торжественной клятвой, данной при коронации, согласно которой Яков обязывался править в соответствии с «законами и обычаями королевства». Однако абсолютная королевская власть могла существовать только в теории, а на практике король вынужден был мириться с тем, что предложенные им законы поступали на рассмотрение Парламента, а каждое его действие на политической арене подлежало оценке. Право, данное Богом, могло быть реализовано лишь в рамках закона. Яков отдавал предпочтение словам, нежели делам. У него были некоторые разногласия с Парламентом, или, во всяком случае, с отдельными членами Парламента, но

они по большей части были беспочвенными и носили временный характер. Так, в 1621 г. король объявил членам Палаты общин, что они обязаны ему своими привилегиями, и это привело к спорам относительно происхождения последних. Но Яков добивался всего лишь признания этого факта, ни в коей мере не покушаясь на права членов Палаты. Именно за такую бестактность, такую способность привести весомый довод в неподходящий момент король Франции Генрих IV прозвал Якова I «мудрейшим дураком в христианском мире».

Его основные недостатки были не интеллектуального свойства, а морального и личного. Яков был невыразительной личностью: неопрятный, грубоватый, непоследовательный и суеверный. Казнокрадство и стяжательство, царившие при Дворе, препятствовали беспристрастному и эффективному управлению государством. Из-за скудности королевской казны жалование находившимся на службе выплачивалось из сомнительных источников. Но при Якове (не при его сыне) положение дошло до предела. Репутация Двора еще сильнее испортилась после ряда скандалов, связанных с преступлениями на сексуальной почве и с убийствами. В 1619 г. в Тауэре одновременно томились бывший лорд-гофмейстер, бывший лорд-казначей, бывший государственный секретарь и бывший командир лейб-гвардейцев, и все за преступления сексуального и финансового характера. В 1618 г. скрытые гомосексуальные наклонности короля проявились в страстном романе с одним молодым придворным из мелкопоместных дворян, который через несколько лет стал герцогом Бэкингемским; он стал первым за это столетие герцогом незнатного происхождения. Герцог взял бразды правления в свои руки при больном Якове, а затем управлял государством при молодом и благонравном Карле I вплоть до своей гибели в 1628 г. Такая репутация дорого стоила королю. Его расточительство явилось причиной серьезных финансовых проблем и лишало его поддержки окружения.

Яков I был королем-мечтателем, он так и не смог воплотить в жизнь свои надежды и достичь поставленных целей. Он мечтал о единстве. Государь надеялся превратить унию корон Англии и Шотландии в более полный союз королевств Британии. Яков хотел полного объединения законов, парламентов, церквей, но ему пришлось довольствоваться лишь объединением на экономической основе, при знании объединенного гражданства и общего флага. Желанный «союз сердец и умов» так и остался мечтой. Время от времени Яков выдвигал неспешные предложения, требующие неспешного воплощения. Однако они были отвергнуты недалекими и враждебно настроенными представителями местного дворянства в Парламенте. Король стремился также использовать власть и авторитет трех корон Англии, Шотландии и Ирландии, чтобы установить мир и согласие среди христианских государей; эта цель была во многом достигнута при урегулировании ситуации в Прибалтике и Германии на раннем этапе правления; но в последние годы пребывания на троне государь не смог предотвратить Тридцатилетнюю войну и возобновившийся конфликт в Нидерландах. Наконец, он стремился использовать свой статус главы «Католической и Реформированной» церкви и сторонника объединения пресвитерианской шотландской и епископальной английской церквей, чтобы объединить все христианские церкви. Попытки Якова созвать вселенский собор и его призыв к главам всех церквей: католической, православной, лютеранской и кальвинистской – прекратить религиозные распри закончились неудачно из-за начала Тридцатилетней войны. Но у многих они получили значительную поддержку.

Тем не менее во время правления Якова в Англии наблюдалось упрочение политической стабильности, ослабление религиозных конфликтов, мирная обстановка в стране и возрастающее уважение международного сообщества. Его «политика колонизации» в Ольстере, заключавшаяся в выселении ирландцев-католиков и заселении их земель тысячами семей из Англии (многие из тех, кто поселился в районе Лондондерри, были выходцами из Лондона) и (даже в большей степени) из Юго-Западной Шотландии, увенчалась кратковременным успехом, хотя ее печальные последствия мы наблюдаем и по сей день. Король оставил после себя большие долги, плохую репутацию и обязательство вести войну с Испанией без достаточных на то средств.

Яков испортил отношения с Парламентом и не смог принять ряд очень важных мер, которые он выносил на рассмотрение; среди них акт об объединении с Шотландией и тщательно продуманный план, известный как Великий договор, касавшийся увеличения доходов. Он победил в борьбе с Парламентом, которому не удалось ограничить королевскую власть и принять более активное участие в управлении государством. Парламент созывался, когда это было угодно королю, и распускался, когда переставал быть ему полезным. Развитие процедурной стороны дела было незначительным и не опиралось на власть Парламента. В течение правления Якова Парламент заседал меньше месяца каждые полгода, и прямой налог приносил меньше одной десятой всего королевского бюджета. Многие члены Парламента понимали, что существование этого института власти находится под серьезной угрозой. Все осознавали, что реальное упразднение Парламента лишало их не только права, но и возможности противостоять королю. Яков был протестантом и правил страной по ее законам. Некоторым он внушал неприязнь, но недоверие и ненависть к королю испытывали лишь очень немногие. Наследование власти Карлом I, вступившим на престол в 1625 г., было самым мирным и безопасным с 1509-го, а может быть, и с 1307 г.

Между Яковом I и Карлом I такой же разительный контраст, как и между Елизаветой I и Яковом I. Там, где Яков был непринужденным, неряшливым, доступным, Карл представал бесстрастным, чопорным, замкнутым и изворотливым. Он рос маленьким и слабым ребенком в тени уже взрослого старшего брата, который умер от оспы, когда Карлу было двенадцать лет. Низкого роста, заика, Карл был очень нерешительным человеком, старавшимся упростить окружающий мир, убеждая себя в том, что там, где король покажет пример и будет установлен единый для всех порядок, сразу воцарится послушание и умиротворенность. Карл I был одним из тех политиков, которые настолько уверены в правоте собственных доводов и действий, настолько убеждены в собственной добродетели, что они не видят необходимости объяснять своих действий или оправдывать свое поведение перед другими людьми. В официальных кругах он был холоден и неприступен. Там, где Яков много говорил, Карл молчал и словам предпочитал дела. Во многих отношениях он являл собой образ, описанный Яковом в *«Basilikon Doron»*.

Управление государством стало осуществляться по-другому. Карл был человеком строгих нравов, и жизнь при дворе соответствовала моральным устоям короля; были пресечены продажность и казнокрадство; в мирные годы после 1629 г. сбалансирован бюджет, упрощен аппарат управления и реорганизован Тайный совет. В целом система управления стала более эффективной. Но это было достигнуто большой ценой. Во многом мешало недопонимание и натянутые отношения с Парламентом. В 1625-1630 гг. Англия участвовала в войне с Испанией (с целью вернуть территории, захваченные у мужа сестры Карла, курфюрста Пфальцского, и в целом поддержать дело протестантов) и с Францией (чтобы принудить Людовика XIII признать условия брачного договора между его сестрой Генриеттой Марией и Карлом I). Парламент поддерживал войну, но у него не доставало средств, чтобы успешно ее завершить. Войска наемников были введены в Германию, но они потерпели неудачу; англичане совершали набеги на французские и испанские береговые укрепления. Однако этим они ничего не добились. Дипломатические усилия и военные приготовления, равно как и финансовые затраты, были обременительными для страны и вызывали сомнения в своей законности.

Однако Карл правил государством, не принимая во внимание чужие мнения и никому ничего не объясняя. К 1629 г. накопился ряд разногласий между Парламентом и королем по поводу внешней политики, денежных средств на ее проведение, получения этих средств с помощью заключения людей в тюрьму, покровительства со стороны короля новому религиозному направлению в рамках Церкви, убеждения и практика которой резко расходились с традициями и убеждениями Англиканской церкви. В 1629 г. страсти и разочарования достигли такой степени, что Карл решил править, не созывая Парламент. Вероятно, он надеялся, что поколение недовольных и протестующих, заполнявших

Парламент, сменится и между королем и Парламентом воцарится прежняя гармония. Как всегда, государь все упрощал. Однако это решение возникло не на пустом месте. У Карла были напряженные и даже враждебные отношения с тремя парламентами 1625-1629 гг. Но они скорее не поддерживали его меры, чем оказывали целенаправленное сопротивление. И они показали бессилие Парламента как института власти. Члены Парламента сильно критиковали политику короля, но не были едины в своей критике. Одних беспокоила религиозная и внешняя политика, других – законность получения денежных средств. У таких людей, как Джон Пим, сэр Эдвард Кок, сэр Томас Уэнтворт, сэр Джон Элиот, Дадли Диггес (пожалуй, самые ярые критики короля на тех парламентских сессиях), было мало общего, не считая неприязни к герцогу Бэкингемскому и убеждения, что, придя к власти, они смогли бы исправить положение. Они преследовали честлюбивые цели, во-первых, ради преимуществ нахождения у власти; во-вторых, ради возможности проводить собственную политику. Никто не собирался менять институты власти или конституцию. Они не были предреволюционерами, у них не было единой цели, и они не являлись одной командой.

Итак, в 30-х годах XVII в. король правил без Парламента и не имел ни малейшего намерения изменить свое решение. Король собрал значительные средства, достаточные для мирного времени. Он столкнулся только с одной проблемой. Этой проблемой было строительство флота, начиная с 1634 г. – на «корабельные деньги». Велись долгие споры о распределении этих денег; в результате было собрано свыше 90% данного налога, хотя не так скоро, как ожидалось. К 1637 г. Карл достиг апогея своего могущества. Он имел сбалансированный бюджет, проводил результативную социально-экономическую политику, был окружен работоспособными людьми, и его полномочия не подвергались сомнению. В политике была достигнута наивысшая степень согласия в сравнении с предыдущими столетиями.

Однако король многих оттолкнул от себя своей религиозной политикой: его поддержка архиепископа Уильяма Лода воскрешала религиозные страсти 70-80-х годов XVI в. Впрочем, угрозы создания подпольной церкви, подрывавшей деятельность официальной религии, не существовало. Ведь у тех, кто находил религиозные взгляды Лода неприемлемыми, имелась возможность, которой не было у предыдущих поколений: они могли уехать в Новый Свет, что и происходило. Там, свободные от преследований англиканских властей, они преследовали друг друга во имя чистоты протестантской веры.

Тем не менее по двум причинам Лод опасно ослаблял лояльность Короне. Во-первых, учение, которому следовали сторонники архиепископа, а также обряды, поощряемые самим Лодом, были сходны с верой и обрядами Римско-католической церкви. Поскольку сам Лод заявлял, что Римская церковь – это истинная Церковь, несмотря на свою испорченность, складывалось впечатление, что исподволь возвращалось папство, а Англиканскую церковь предали. На самом же деле Лод не стремился менять религиозные обычаи и обряды, он хотел только добиться, чтобы англичане строго следовали написанному в молитвеннике. Молитвенник 1559 г. был не просто обязательным, его было вполне достаточно. Многообразие пуританских традиций и обычаев, описанных в нем, подверглось сокращению. Эти меры вызвали возмущение у пуритан и обеспокоили остальных. Лод совершил попытку вернуть власть и привилегии епископов, церковных судов и приходских священников, покушаясь на богатство и полномочия Церкви. Церковные земли подлежали возвращению, налагался контроль за десятиной и возведением в сан священников, духовенство должно было следить за соблюдением Божьих законов. Самая значительная мера, предпринятая Лодом, – перенесение алтаря в восточную часть церкви, где его поместили на возвышение и огородили. Вместе с этим богато украшенные кафедры, установленные высокопоставленным духовенством, заменили простыми, без украшений. В Доме Божьем священник стоял за алтарем, возвышаясь над прихожанами, в благоговейном трепете сидевшими перед ним. Грешник не мог получить отпущение сразу через слово Божье, для этого нужно было совершить таинство при посредстве святого отца. Только

служители Церкви, свободные от суетных мирских желаний, могли выполнить миссию Церкви. Однако эта программа, осуществляемая Лодом, затрагивала и почти все законные мирские интересы в государстве.

Итак, в 1637 г. Карл находился на вершине могущества. Тем не менее пять лет спустя началась гражданская война. Это случилось из-за ряда роковых ошибок. Еще в 20-х годах XVII в. (если не в 90-х годах XVI в.) король должен был сделать очевидный вывод о том, что система управления как Тюдоров, так и Стюартов плохо подготовлена к ведению успешных войн, независимо от того, поддерживал их Парламент или нет. Это не имело значения: пока в ближайшем будущем никто не собирался воевать с Англией, и Корона получила передышку в условиях улучшающегося экономического климата; высокая инфляция снижалась, внешняя торговля переживала значительный подъем. Карл должен был избегать развязывания ненужной войны. Однако в 1637 г. он начал гражданскую войну со своими шотландскими подданными. Управляя Шотландией из Лондона, Карл, из желания установить единые порядки по всей стране, поставил под вопрос независимость шотландских лордов в сфере юрисдикции и их право на секуляризацию церковных земель, а затем попытался провести в Шотландии религиозные реформы, подобные тем, что проводил в Англии Лод. Вызванное этим недовольство привело к нарушению порядка, а угрозы короля, сменявшиеся частичными уступками, вызвали еще большие проблемы. Через год религиозная политика Карла в Шотландии полностью провалилась, его авторитет в этом регионе был подорван. Тогда он решил добиться своего силой. В 1639 г. и еще раз в 1640 г. король намечал вторжение в Шотландию. В обоих случаях шотландцы мобилизовали свои силы быстрее, основательнее и в большем количестве, чем Карл. Он не хотел принимать предложение Короткого парламента (апрель-май 1640 г.) осуществить поход против шотландцев в ответ на неприятные, но вполне выполнимые уступки (конечно, шотландцы требовали больше); король предпочел положиться на ирландских католиков, а также на католиков горной Шотландии; помимо этого Карл согласился на помощь Испании и папы Римского. Плохая координация, плохое моральное состояние и полное отсутствие настойчивости вынудили Карла отказаться от кампании в 1639 г., вследствие чего шотландцы осенью 1640 г. вступили на территорию Англии и захватили Ньюкасл. Они находились там, пока король не заключил с ними договор, утвержденный английским Парламентом.

Таким образом, у всех недовольных политикой короля появилась уникальная возможность поправить положение: был созван Парламент, который король не мог распустить по своему желанию. Безжалостность, с которой такая возможность была использована, во многом объясняется данным уникальным обстоятельством. За двенадцать месяцев все учреждения и полномочия, с помощью которых Карл поддерживал свое беспарламентское правление, были упразднены. Люди, помогавшие королю управлять государством в 30-х годах, оказались в тюрьме, ссылке или в немилости. Но возвращения к миру и сотрудничеству не произошло. Наоборот, в обстановке возраставшего недоверия и взаимных обвинений все быстрее нарастал кризис. Через два года, к всеобщему замешательству и ужасу, началась гражданская война. Причины, вызвавшие быстрое и бесповоротное падение Карла, стали предметом полемики среди историков. Можно выделить два момента. Во-первых, после того как были проведены крайне необходимые конституционные реформы, явная неблагосклонность Карла, его очевидное стремление при первой возможности прекратить делать уступки, а также его готовность использовать силу побудили лидеров Палаты общин, прежде всего Джона Пима, к рассмотрению более радикальных мер. В 1640 г. почти все без исключения члены Парламента выдвинули программу, согласно которой король лишался той власти и тех полномочий, которые позволяли ему единолично править страной. Никто не намеревался усиливать власть двух палат, просто Парламент настаивал на том, чтобы ему было позволено регулярно собираться и исполнять старинные обязанности: издавать законы, выделять денежные средства, выносить на рассмотрение наиболее важные вопросы и участвовать в принятии

решений. К осени 1641 г. сложилась совсем новая ситуация. Неспособность короля отвечать за собственные действия и как-то изменить положение дала Парламенту право взять на себя полномочия, ранее принадлежавшие королю. А именно: палаты должны были принимать участие в назначении и в отправке в отставку членов Тайного совета, других государственных органов, а также контролировать решения Совета. Удовлетворению подобных требований способствовал тот факт, что Карл пошел на аналогичные уступки в договоре с шотландцами в июле 1641 г.; кроме того, это было необходимо в связи с восстанием в Ирландии в октябре того же года.

Католики, проживавшие на севере Ирландии, опасаясь, что английский Парламент введет новые законы, ущемляющие их права в вероисповедании, решили принять предупредительные меры, чтобы обезоружить протестантов Ольстера, которые могли бы ускорить принятие таких законов. Ненависть, укрепленная сознанием собственной правоты, породила неслыханную жестокость; около 3 тыс. человек (т.е. каждый пятый протестант) были убиты. По сообщениям, дошедшим до Англии, цифры были еще больше. К несчастью для Карла I, повстанцы действовали от его имени и в доказательство предъявили поддельное разрешение. Они распространили слухи о том, что Карл находился в сговоре с ирландскими католиками, вел переговоры с католической Испанией и папой Римским, чтобы те предоставили ему людей и деньги для вторжения в Шотландию в 1640 г.; положение усугубилось с раскрытием вооруженного заговора в Англии и Шотландии с целью распустить Парламент силой. В течение последующих недель Карл только подтвердил это, собрав войска и попытавшись взять под стражу пять членов Палаты общин во время заседания. При сложившихся обстоятельствах не могло быть и речи о том, чтобы доверить Карлу командование армией для подавления ирландцев. Парламент во главе с Джоном Пимом объявил Карла сумасшедшим, человеком, неспособным использовать предоставленные ему полномочия. За полтора года до начала гражданской войны большинство в Палате общин и меньшинство в Палате лордов пришли к такому же убеждению. Когда Карл поднял свое знамя в Ноттингеме и объявил войну собственному народу, вопрос о его состоятельности и доверии к нему был одним из тех, что разделили нацию.

Первой особенностью вспыхнувшей войны было, следовательно, то, что действия Карла I в 1640 -1642 гг. вынудили многих людей занять гораздо более радикальную позицию в конституционных вопросах, чем та, которую они занимали или намеревались занимать. Но движущие силы конституционного развития были ограничены. В связи с важной и не подлежавшей обсуждению проблемой возник вопрос о доверии королю. Речь шла о командовании вооруженными силами, направленными на подавление ирландских повстанцев. Это привлекло внимание к другому, но взаимосвязанному вопросу о контроле короля над ополчением и о тех, кто его поведет, — о лордах-лейтенантах и их заместителях. Данные конституционные вопросы, а также вопрос подотчетности королевских министров и советников Парламенту послужили поводом к гражданской войне. Но главных участников этих событий беспокоило в первую очередь другое. Несомненно, вопрос о доверии привлек некоторых на сторону палат, но совершенно новые требования, предъявленные Пимом и его соратниками, для многих оказались неприемлемыми. Если отношения короля с папой Римским побуждали одних принять сторону Пима, то последний побуждал других поддержать короля, отпугивая их своим необузданным стремлением поднять волну протеста среди жителей Лондона, чтобы склонить колеблющихся членов обеих палат к поддержке мер, принимавшихся Пимом. Однако на каждого, кто принимал сторону Парламента в 1642 г., приходилось десять человек, которые не могли принять чью-либо сторону; они видели достоинства и недостатки тех и других и продолжали взывать к компромиссу и мирному соглашению. В большинстве графств и городов в течение 1642 г. преобладающие настроения были мирными, граждане придерживались нейтралитета или по крайней мере защищали интересы только своего региона. Таким образом, делались попытки нейтрализовать целые регионы, чтобы враждовавшие группировки могли

договориться мирным путем и чтобы власти на местах могли установить порядок от имени короля или Парламента. Конституционные вопросы, какими бы они ни казались для тех, кто заседал в Вестминстере и кто испытывал на себе как королевскую двуличность, так и политику угроз со стороны лондонских подмастерьев, все же не были достаточной причиной для начала войны.

Однако в 1642 г. решающим оказался другой фактор – религия. Религиозные новшества архиепископа Лода пробудили воинственность пуритан. К 1640 г. значительное число священников, мелкопоместных дворян и особенно зажиточных фермеров и ремесленников решили, что руководство Церковью, с такой легкостью оказавшееся в руках сторонников нововведений и тайных католиков, каковыми они считали последователей Лода, должно смениться. Они требовали упразднения должности епископа, запрещения молитвенника, считавшегося некоторыми из них неугодным Богу, прекращения празднования Рождества и Пасхи, которые они считали «папскими» праздниками. Первоначально большинство в Парламенте выступило за более умеренную реформу – привлечение к ответственности Лода и его последователей и ограничение полномочий епископов. Но шотландцы требовали больших изменений, они настаивали на коренном реформировании Церкви; положение обостряли вспышки иконоборчества. Так как многие из тех, кто выступал против епископов, выступали также против землевладельцев и сбора десятины (и выдвигали претензии на право собственности), защита действовавшей Церкви фактически означала защиту порядка и сохранение существовавшей иерархии в обществе и государстве, равно как и в религии.

Партия роялистов была создана на основе партии англикан, и те, кто поспешил поддержать короля в 1642 г., действовали явно из религиозных побуждений. В то же время сторонники Парламента стремились к свержению действовавшей и созданию новой евангелической церкви, которая уделяла бы больше внимания проповедованию слова Божьего и требованиям моральной и социальной дисциплины. Эта идея получила поддержку со стороны возвратившихся ссыльных из Новой Англии, рассказывавших о своих благочестивых достижениях в тех диких краях. Подобно тому как в Ветхом Завете евреи освободились от рабства в Египте и нашли землю обетованную, так и новый избранный Богом народ – англичане – тоже должен был освободиться от рабства и найти свою землю обетованную, прекрасный новый мир. В то время как большинство англичан колебалось и старалось найти компромисс, меньшинство, страстно захваченное религией, выбрало вооруженную борьбу.

Тот, кто не определился, в конце концов был неизбежно втянут в гражданскую войну. Столкнувшись с возраставшими требованиями и угрозами меньшинства, сумевшего перехватить инициативу, люди встали перед выбором. Многие – возможно, большинство – пошли по пути наименьшего сопротивления и делали то, что от них требовали. Другие мучительно старались принять решение, следуя голосу собственной совести; они уезжали со своими семьями в районы, находившиеся под контролем более достойной, по их мнению, стороны. Но страх перед «папскими» союзниками короля и религиозными фанатиками, поддерживавшими Парламент, для многих делал принятие этого решения невыносимо трудным.

Гражданские войны

Первая гражданская война продолжалась с 1642 по 1646 г. Невозможно назвать точную дату ее начала: страна втягивалась войну постепенно. В январе 1642 г. король выехал из Лондона и отправился в долгий путь по центральным графствам и дальше на север. В апреле он попытался захватить склад военного снаряжения в Гулле (после своего шотландского похода). Но перед ним закрыли ворота, и он вернулся в Йорк. С июня по август Карл и обе палаты давали абсолютно несовместимые инструкции соперничающим группам уполномоченных по подготовке ополчения. Это привело к столкновениям и

демонстрации силы. К концу августа подготовка завершилась, и столкновения стали носить более серьезный характер. Когда 20 августа король поднял свое знамя в Ноттингеме, это означало официальное объявление войны. Все же у обеих сторон оставалась надежда, что удастся провести переговоры или что всего одно сражение между двумя армиями решит конфликт. Однако первое сражение, происшедшее 23 октября в Эджхилле (Уорикшир), затянулось и не решило ничего. Хотя король направился к Лондону и вошел в Брентфорд, численность его войска и снабжение были недостаточными, чтобы отразить атаки противника. Он отступил в Оксфорд, так как настала зима и дороги стали непроходимыми. Только после зимы, отмеченной неустойчивым миром и тщетными переговорами, началась настоящая война. Первые войска были собраны наспех, им платили скудное жалованье. К весне стало ясно, что нужно проводить мобилизацию. В каждом регионе производили набор в армию, были выделены деньги и учрежден административный аппарат для организации армии. Страна оказалась втянутой в войну, и требования войны превратили гражданские волнения в кровавую революцию.

Вероятно, в определенные периоды 1643- 1645 гг. более чем один из десяти взрослых мужчин был поставлен под ружье. Ни одна из сформированных армий не превышала по своей численности 20 тыс. человек, а в самом крупном сражении при Марстон-Муре под Йорком в июне 1644 г. участвовали несколько объединенных армий, насчитывавших вместе меньше 45 тыс. человек. В целом же в летних кампаниях 1643, 1644 и 1645 гг. были готовы принять участие 120-140 тыс. человек. Обе стороны организовывали по регионам «ассоциации» графств, у каждого из которых была своя армия (по крайней мере на бумаге), обязанная защищать графство от вторжения противника. Помимо этого у обеих сторон имелась «действующая армия», на которую возлагались задачи национального характера. При данных обстоятельствах война носила скорее позиционный характер, стороны избегали крупных сражений. Некоторых районов война почти не коснулась (например, Восточной Англии, южного побережья, центральной части Уэльса); в других постоянно происходили сражения, и они переходили из рук в руки (долины Северна и Темзы, а также центральные графства находились в центре военных событий). Тылом Парламента были окрестности Лондона. Близость столицы и обеих палат с их настойчивыми требованиями, равно как и мобилизация тысяч жителей Лондона (безработных и религиозно настроенных), склоняла равнодушных и сомневавшихся принять сторону Парламента. Точно так же авторитет короля был более крепок на территориях, на которых он пребывал: на севере и востоке центральных графств, на полосе от Ланкашира до Оксфордшира. Дальние земли Севера и Запада были изначально нейтральными или смешанными по своим настроениям. Лишь постепенно роялистам удалось одержать верх на этих территориях.

Король обладал рядом преимуществ: личная поддержка богатых людей; организованная система командования, основанная на авторитете короля; более простая цель (захватить Лондон). Однако у Парламента имелись важные долгосрочные преимущества: денежные ресурсы и многочисленная поддержка в Лондоне, имевшая решающее значение для доверия населения; контроль над морскими и торговыми путями и вследствие этого – поддержка серьезных деловых людей, предпочитавших иметь дело с Парламентом, а не с королем; территории менее уязвимые, чем роялистские; а также ограниченная, но важная помощь шотландцев, 20 тыс. которых в 1644 г. вторглись на территорию Англии в обмен на постановление палат установить форму церковного управления, подобную существовавшей в Шотландии.

По всей видимости, Парламент намеревался измотать роялистов затяжной войной. Так и произошло. Исключительно военные факторы не сыграли существенной роли в исходе событий. Обе стороны использовали одну и ту же тактику и оружие; и у тех, и у других было много опытных офицеров, служивших в европейских армиях во время Тридцатилетней войны. В 1645 г. обе стороны реорганизовали свои армии, чтобы соответствовать сложившейся обстановке; король создал отдельные штабы в Бристоле и Оксфорде. Парламент объединил три отдельные армии, в последние месяцы сократившиеся

в размере: армию, слишком многочисленную для поставленной перед ней задачи и проводившую оборонительные операции в Восточной Англии; армию сэра Уильяма Уоллера, потерпевшую неудачу на Юге, и «походную армию» под командованием графа Эссекского. Армию Нового Образца принял под свое командование сэр Томас Ферфакс. Он был человеком со стороны, однако ему отдали предпочтение с целью избежать конфликтов между старшими офицерами в старых армиях. Все члены Парламента были отозваны со своих военных постов и должны были вернуться в Парламент. Назначения на высокие должности происходили более или менее в соответствии со сложившимся старшинством. Первоначальная цель армии Нового Образца вовсе не заключалась в смене курса Парламента на более радикальный, офицеры с радикальными взглядами не составляли в ней большинства. Ключевой задачей Парламента была профессионализация, а не радикализация армии. Позднейшая репутация армии как отличающейся религиозным рвением и предоставляющей возможность карьеры для талантливых людей не являлась характерной чертой при ее создании. Черода значительных побед, начавшихся с Нэзби в июне 1645 г. была вызвана не рвением, а регулярным жалованьем. За последние восемнадцать месяцев войны войска роялистов, которым не платили, просто развалились, в то время как армия Нового Образца была полностью снабжена и выиграла гражданскую войну, истощив противника.

В течение последних двенадцати месяцев войны нарастало народное возмущение против насилия и разрухи, которые она несла с собой. Нейтралистские или «клубменские» восстания фермеров и сельских ремесленников на западе и юго-западе Англии имели целью изгнать одну из сторон или обе стороны из их района, люди требовали мирных переговоров. Поскольку дисциплина в роялистских армиях разложилась, они были главными пострадавшими. Враждебность народных масс по отношению к обеим сторонам сделала победу практически безрезультатной.

Чтобы выиграть эту войну, Парламент обложил народ большими налогами. Прямые налоги составляли 15-20% дохода богатых и людей со средним достатком. Был введен акцизный налог на товары массового потребления, например на пиво (основной напиток, употребляемый мужчинами, женщинами и детьми в том возрасте, когда они еще не пили такие напитки, как чай, кофе и шоколад) и соль (также пользовавшуюся большим спросом). У нескольких тысяч мелкопоместных дворян и у многих тысяч других людей, чья собственность находилась на территории, занятой их противниками, имущество было конфисковано, и их доходы целиком перешли к государству, за исключением лишь жалкой пятой части, оставленной тем, у кого были жены и дети. В конце войны Парламент разрешил наименее активным роялистам («деликвентам») выкупить свои поместья по высокой цене; но самым бескомпромиссным (*malignants*, «злостным») сторонникам короля возможность возмещения не предоставили, и их земли были проданы на торгах. Все те, чьи владения не отобрали, должны были предоставить кредит королю или Парламенту; отказ от «добровольного» пожертвования приводил к серьезным взысканиям. В довершение ко всему обе стороны возобновили постой войск среди гражданского населения (с малой надеждой на какую-либо компенсацию со стороны властей и плату за проживание). Военные были готовы сами позаботиться о себе, а в случае сопротивления использовать мушкеты. Случаи грабежа и мародерства являлись редкими, зато солдаты часто воровали и вытапывали урожай.

Война сильно подорвала экономику. Торговле в верхнем течении Северна мешало то обстоятельство, что роялисты взяли Вустер, а сторонники Парламента – Глостер; в верхнем же течении Темзы роялисты взяли Оксфорд, а сторонники Парламента – Рединг. Кроме того, из-за плохой погоды 40-е годы XVII в. были самыми неурожайными за все столетие. Высокие налоги и высокие цены на продукты сказались на развитии рынка и привели к экономическому спаду. Положение бедняков и людей с достатком ниже среднего было по-настоящему отчаянным. Людям становилось все сложнее вернуться к нормальной жизни.

Чтобы выиграть гражданскую войну, Парламент пошел на расширение даже

произвольных полномочий своих представителей. Для ведения военных действий в Лондоне был учрежден ряд комиссий, следивших за деятельностью подобных комиссий в каждом графстве и региональной ассоциации. Комиссии каждого уровня обладали полномочиями, соответствовавшими принципам обычного права: правом облагать налогом имущество граждан; накладывать арест на имущество, по собственному усмотрению и без ограничений заключать в тюрьму тех, кто препятствовал им, без суда. Исполнявшим эти обязанности гарантировалась неприкосновенность в случае каких-либо действий, направленных против них, и (после середины 1647 г.) эту неприкосновенность узаконила другая парламентская комиссия. Указ комиссии был главнее решений высших судов страны. Таким образом создавались предпосылки для победы в гражданской войне. Однако в 1647-1648 гг. правление Парламента оказалось более тираническим, чем до этого правление короля. Усилились призывы к примирению и Реставрации.

Чтобы выиграть гражданскую войну, Парламент обещал шотландцам реформировать елизаветинскую церковь и построить ее «согласно слову Божьему и примеру лучших реформистских церквей» (шотландцы неверно истолковали эти слова, решив, что речь идет об их Церкви). В 1646 г. реформа была завершена, по крайней мере на бумаге: упразднены епископат, кафедральные соборы, церковные суды, «Книга общих молитв» и календарь (в том числе празднование Рождества и Пасхи). Вместо этого устанавливалась «пресвитерианская» система. Священники и миряне-«старейшины» из групп соседних церквей обязывались ежемесячно собираться для обсуждения общих проблем. Деятельность на приходском уровне, уровне графства и на провинциальном уровне (ассоциации графств) должна была координироваться национальным синодом и Парламентом. Никто не освобождался от власти новой национальной Церкви в большей мере, чем от власти старой Церкви. В основе новой веры лежал новый молитвенник («Руководство для публичного богослужения» – «Directory of Public Worship», – подчеркивающий импровизированный характер молитвы и проповеди слова Божьего), новый катехизис и новые постулаты веры. Духовные лица на каждом уровне были уполномочены исполнять свой моральный долг («исправление нравов») и строго соблюдать новые законы, применяя меры религиозного и светского характера. Однако этот пуританский опыт был обречен на провал. Многие пресвитерианские священники выражали недовольство слишком сильным светским контролем. Недовольство многих других основывалось на том, что отдельные приходы получили очень мало полномочий, в то время как разряды, провинции (собрания на уровне графств и ассоциации графств) и синоды – более чем достаточно. Пуританские доктринальные, литургические и дисциплинарные требования были слишком жесткими, а подчас оказывались просто неприемлемыми. Когда в 1642 г. «пуританское» единство выступило против существовавших порядков, выдвижение одной частной альтернативы вызвало большой раскол. Многие «индепенденты» отказывались принять новые условия и требовали предоставления свободы совести и права создания свободной религиозной организации, независимой от национальной Церкви. Некоторые отказывались платить десятину. Раскол в пуританстве помешал установить пресвитерианскую систему. В то же время подавляющее большинство простых людей резко критиковало эту систему. Четыре поколения людей почитали «Книгу общих молитв» и справляли большие христианские праздники. Они не хотели отказываться от того и другого; к тому же им был не по душе пуританский запрет на обряд причащения без одобрения священника и его самодовольных приспешников, а также без приобретения свидетельства о годности для этого обряда. Таким образом, почти во всей Англии, включая Восточную Англию, запреты на использование «Книги общих молитв» и празднование церковных памятных дат не исполнялись. Священники, пытавшиеся противостоять этому, были изгнаны, и, хотя парламентские комиссии лишали сана каждого пятого представителя духовенства за религиозное, моральное и политическое несоответствие, большинство из тех, кто их заменял, не отличались от своих предшественников. Попытка пуритан внести религиозные изменения не увенчалась

успехом, она лишь прибавила ненависти к творившему произвол Парламенту.

Но если подавляющее большинство людей, в том числе победители, пришли к выводу, что гражданская война ничего не решила, а только способствовала смене власти, то меньшинство, не принимая настоящего положения вещей, было убеждено в том, что необходима более радикальная смена политических институтов. Ведь Бог подверг народ всем этим испытаниям и страданиям во имя высшей цели. Признать бесполезность борьбы, вернуть короля на престол на условиях, которые он принял бы и в 1642 г., означало бы предать Бога и тех, кто погиб и пострадал ради него. Снова причины, поднявшие людей на борьбу, носили религиозный характер. Подобные взгляды были распространены в Лондоне, где действовало много церквей и где экономический кризис давал знать о себе особенно жестко, а также в армии, с ее памятью о страданиях и радостях, где многие солдаты в пылу битвы ощущали в себе присутствие Бога. К тому же нищий Парламент, догадываясь о последствиях, к которым приведут дополнительные налоги, весной 1647 г. вызвал недовольство в рядах армии, попытавшись распустить большую часть вооруженных сил, а остальных послать в Ирландию, при этом не выплатив им задолженность, тянувшуюся с конца войны. Летом 1647 г., а затем осенью 1648 г. большинство в обеих палатах, не найдя другого выхода, согласилось пойти на переговоры с королем, который, в свою очередь, прежде всего на это и рассчитывал.

В обоих случаях армия спасла Парламент от поражения. В августе 1647 г. войска вошли в Лондон, вышвырнули главных «подстрекателей» из Палаты общин и нагнали на остальных страху, чтобы те проголосовали за выплату жалованья и других материальных благ, которые, как они верили, им полагались. Тем самым они отвергли предложение радикальной группировки, основанной в Лондоне и известной как «левеллеры», распустить Долгий парламент, объявить, что все находившиеся у власти не оправдали доверия народа и не могут дальше управлять государством, и провозгласить новую демократическую конституцию. Левеллеры призывали всех свободных англичан подписать «Народное соглашение» и совместно править децентрализованным демократическим государством. Все, кто занимал официальные посты, должны были пойти на этот шаг и отвечать за него перед своими избирателями. Многие права, прежде всего свобода исповедания той формы христианства, которую каждый для себя выбирает, не должны нарушаться никаким парламентом или правительством. Как военных, так и гражданских людей привлекали идеи левеллеров о свободе вероисповедания, их осуждение коррупции, тирании Долгого парламента; офицеры и «агитаторы», избранные из рядовых и сержантов, обсуждали предложения прежде всего на дебатах в Патни, происходивших в церкви этого города и около нее в ноябре 1647 г. Но в результате подавляющее большинство из них пришло к выводу, что политика левеллеров не может удовлетворить насущные требования армии. Вместо этого последняя стала оказывать давление на очищенный Парламент, чтобы тот использовал свои неограниченные полномочия для выполнения их требований.

Итогом стала вторая гражданская война, выразившая протест удаленных районов против централизации и военного господства. Умеренные парламентарии, лидеры графств поднялись против возобновленного угнетения; их возмущение поддерживали бывшие роялисты. Наиболее жестокие бои второй гражданской войны происходили в районах, почти не затронутых первой гражданской войной и недостаточно наученных прошлым опытом: в Кенте, Восточной Англии, Южном Уэльсе, Западном и Северном Райдинге. Положение еще более осложнилось попыткой заключения союза короля с шотландцами, которые были недовольны тем, что Парламент не подтвердил соглашение о создании единой Церкви, и настроены, несмотря ни на что, доверять лживым обещаниям Карла. Если бы восстания были согласованы или по крайней мере происходили одновременно, они могли бы быть удачными. Но они произошли одно за другим и одно за другим были подавлены армией. Поражением шотландцев в августе в Престоне вторая гражданская война закончилась.

Она тоже не решила никаких проблем. По-прежнему страна взывала к миру и

соглашению, по-прежнему армия требовала выплаты жалованья, по-прежнему король увиливал и давал пустые обещания. Так же как и в 1647 г., обе палаты видели всю тщетность своих усилий. В начале декабря у них было только два пути: сдаться королю и пригласить его на трон на его условиях, чтобы восстановить порядок и мир; или свергнуть его окончательно и решиться на смелую авантюру, отправившись в неизвестные и не отмеченные на картах конституционные моря. Явное большинство в обеих палатах, равно как и во всей стране, склонялось к первому; меньшинство же, под предводительством командиров армии, предпочитало последнее. Второй раз армия провела чистку Парламента. В ходе так называемой Прайдовой чистки больше половины членов Палаты общин были арестованы или оставили свои должности. Две трети оставшихся бойкотировали буйную Палату. В последовавших затем революционных неделях участвовало менее шестой части членов Парламента, а многие из тех, кто присутствовал, делали это только для того, чтобы смягчить последствия. Решение предать короля суду не поддержал практически никто из тех, кто объявил ему войну в 1642 г.

В январе 1649 г. король был казнен. Его достоинство и сдержанность нанесли сильный пропагандистское поражение его противникам. Публичное обезглавливание в Уайтхолле произошло перед пораженной, но сочувствовавшей толпой. Один из самых бесчестных и лицемерных королей Англии заслужил венец мученика, своим достойным поведением в конце жизни он спас свою репутацию, а его книга, в которой он давал оправдание своим поступкам, *Eikon Basilike* («Королевский образ»), стала бестселлером в последующие десятилетия.

Республика и протекторат

В 1649-1660 гг. Англия была республикой. Это время можно назвать революционным. Многих королей жестоко убивали, но никого до этого не приговаривали к смерти на законных основаниях. Монархия была упразднена, а вместе с ней Палата лордов и Англиканская церковь. Между 1649 и 1659 гг. Англия имела четыре разные конституции и хаос в управлении в 1659-1660 гг. Шотландия была полностью интегрирована в Британию, Ирландия покорена с высокомерием, беспрецедентным даже в ее бурной истории. Это было время больших экспериментов в управлении государством. Тем не менее, многое осталось без изменений. Правовую систему кое-как починили, но в ней узнавалась старая туманная система обычного права, исходившая из исключительных прав духовенства на законодательство; местные органы управления вернулись к старому образцу четырех заседаний в год, вместо того чтобы действительно образовывать местные парламенты. Существующие права собственности были защищены и укреплены, и социальный строй огражден от его радикальных критиков. Что касается национальной Церкви, то ее структуру нельзя признать совершенной. Никого не принуждали принимать это вероисповедание, но десятину для содержания духовенства обязывали платить всех; светская власть и моральный авторитет приходских священников, которыми они обладали со времен Тюдоров, были бесспорными. Фактически допускалась большая свобода для каждого прихода в делах культа, заветов и обрядов, разрешенные англиканские службы и англиканские праздники негласно и широко практиковались.

По отношению к институтам власти это было десятилетие переменного развития в направлении реставрации монархии. В 1649-1653 гг. Англией правил «охвост», остаток Долгого парламента, принявшее Прайдову чистку и цареубийство; этому институту принадлежала законодательная и исполнительная власть. Несмотря на попытки некоторых членов Парламента брать пример с собраний Римской республики, «охвост» не отличалось устойчивостью. Слишком занятое, чтобы предпринимать смелые инициативы и искать долговременные решения, не говоря уже о том, чтобы строить новый Иерусалим, «охвост» уклонялось от решения проблем. Продав земли королевской семье, Церкви и роялистов, оно финансировало завоевание Ирландии, в которое входило взятие Дроэды и

Уэксфорда и массовое убийство гражданского населения – действия, не имевшие параллелей в Англии, но расценивавшиеся как ответ на жертвы 1641 г., – а также вторжение в Шотландию, проходившее с меньшими жестокостями. Учреждая внепарламентские финансовые учреждения, ведавшие финансовыми вопросами, и довоенную форму местного управления, «охвостье» получило достаточно сторонников, для того чтобы разгромить роялистов в третьей гражданской войне. С помощью непоследовательных и противоречивых заявлений относительно религии оно усиливало неуверенность людей в их церковных предпочтениях; при этом никто не уходил в отчаянную оппозицию. «Охвостье» даже вступило в войну с голландцами на море; в последующие месяцы захват голландских торговцев обеспечил удвоение объемов британской посреднической торговли. Деморализованная роялистская партия залечивала свои раны и пыталась рассчитаться с долгами; большинство старой парламентской партии неохотно, но выполняло требования правящей партии. Тем не менее позиция «охвостья» была не такой уж крепкой.

К весне 1653 г. армия была готова к переменам. Объясняя победы в Шотландии, Ирландии, а также над Карлом II в битве при Вустере расположением Божиим, ее командиры и прежде всего командующий (с 1649 г.) Оливер Кромвель требовали религиозных реформ, для проведения которых «охвостье» было слишком занято другими делами.

Разногласия между депутатами «охвостья» и военачальниками неумолимо привели к кризису, который в 1647-1648 гг., последние старались проигнорировать. Опасаясь, что в результате свободных выборов образуется правое большинство, Кромвель решил созвать «собрание святых» – правомочное собрание из 140 человек, тщательно отобранных из тех, кто оставался верным благу делу, кто посвящал себя служению божественной цели и чья задача заключалась в том, чтобы создать программу духовного восстановления и политического образования, которое помогло бы людям постичь слово Божье. Вера Кромвеля в то, что 140 человек могут построить праведное общество, была благородной, но наивной. Эти 140 фанатиков Назначенного, или Бербонского, парламента, лишённые лидеров и координации, ссорились в течение пяти месяцев, а затем значительным большинством отдали свою власть обратно в руки лорда-генерала. Искренние попытки Кромвеля уговорить их остаться у власти успехом не увенчались. Одна армия поддерживала республику, могла создавать и упразднять правительство. За управление государством приходилось отвечать армии.

С декабря 1653 г. до своей смерти в сентябре 1658 г. Оливер Кромвель правил Англией в качестве лорда-протектора и главы государства. Согласно двум указам – «Орудие управления» (1653-1657, издан Военным советом) и «Смирная петиция и совет» (1657-1658, принят Парламентом), Кромвель как глава исполнительной власти должен был управлять государством с помощью Государственного совета. Он был обязан регулярно созывать Парламент. Кромвель находил свое положение сходным с положением Моисея, который вел евреев в Землю обетованную. Английский народ находился в рабстве на египетской земле (монархия Стюартов); люди бежали и перешли Красное море (казнь короля); теперь они пробивались через пустыню (постоянные беды), шли, ведомые столпом огненным (Божественное провидение, которое проявилось в блестящих победах их армии, одержанных с 1656 г. в успешной войне против Испании). Эти люди, так же как и евреи, были непокорными и нетерпеливыми. Иногда их приходилось подгонять к земле обетованной, как в 1655-1656 гг., когда Кромвель ужаснулся равнодушию людей во время неудачного восстания роялистов (участвовало небольшое количество последних, но многие отнеслись к этому событию с сочувствием, и войска не торопились погасить пламя восстания). Затем он установил систему управления, при которой каждый район подчинялся старшему военному командиру. Эти «генерал-майоры» отвечали за безопасность, но могли вмешиваться в каждый аспект местного самоуправления и проводить «реформу нравов». Кромвель пытался вывести нацию в землю обетованную с

помощью политики «залечивания ран и успокоения», преуменьшая значение силы меча и стараясь расширить доступ к управлению страной и разделить власть с местными магистратами и Парламентом.

Если бы Кромвель довольствовался согласием и минимальным уровнем политического одобрения, он мог бы обеспечить себе спокойное и долгое правление. Но он жаждал для нации, со всей убежденностью и рвением, большего отклика в Божьих делах, большей воли к повиновению Его повелениям. Кромвель был ортодоксальным кальвинистом, веря в то, что долгом Божьего избранника является возбуждать во всех людях любовь к Богу и почитание Его, веря в то, что Божественное провидение укажет его народу путь вперед. Необычной была его вера в то, что в этом падшем мире избранные люди рассеяны по церквям. Терпимость Кромвель считал верным способом покончить с возрождением единства Божьего слова и правды. Этот религиозный радикализм сочетался с социальным консерватизмом. Иерархическая структура общества является естественной и правильной, недостатки и несправедливости не свойственны ей, они лишь следствие греха. Изменению подлежало не общество, а поведение человека в нем.

Казнив Карла, Кромвель лишил себя возможности оправдаться собственным прошлым политическим авторитетом; признавая, что воля тех, кто имел право голоса, может вернуть короля, и тем самым отказываясь основывать свою власть на согласии, Кромвель лишал себя доводов в настоящем. Оправдание его поступков становилось делом будущего и держалось на вере в то, что он исполнял волю Бога. Но именно по причине своей веры в эту миссию он непреклонно отрицал гражданские и установленные законом свободы. Чтобы прийти в будущее, обещанное Богом, Кромвель правил страной по своему усмотрению. Случалось, он заключал людей в тюрьму без суда. Когда торговец Джордж Кони отказался платить незаконную таможенную пошлину, Кромвель заключил его и его адвоката под арест, чтобы дело не дошло до суда. Если Парламент отказывал ему в необходимом финансовом обеспечении, он устанавливал новые налоги собственными декретами. Когда люди не ответили на его призыв к духовному возрождению, он создал институт генерал-майоров для проведения работы в этом направлении. Тем не менее мы сталкиваемся с примечательным парадоксом. Кромвеля, цареубийцу, вынужденного главу государства, визионера, второй Парламент просил стать королем Оливером. Ему предложили корону. По иронии судьбы ему сделали это предложение, чтобы ограничить его власть, связать традициями и силой закона. Но поскольку такие ограничения мешали выполнению стоявшей перед ним задачи, поскольку Божественное провидение не предписывало ему восстановить должность, которую Господь упразднил, он отказался от трона.

Во время жизни Кромвеля армия (обладавшая должной военной мощью) и сельское дворянство (имевшее значительный вес в обществе) находились в творческом напряжении. В Кромвеле удивительным образом сочетались сельский помещик и профессиональный солдат, религиозный радикал и социальный консерватор, политический провидец и конституционный ремесленник, личностная харизма и невыносимое самодовольство. Он был одновременно и единственным источником стабильности, и самым большим источником нестабильности режима, который он олицетворял. Если бы Кромвель мог пойти на компромисс, он бы установил правовую республику; если бы в его сердце не было пламенного желания изменить мир, он бы никогда не превратился из овцевода в главу государства. С его смертью наступил конец республики. Его сын не обладал качествами отца и стал жертвой недовольства старших военачальников. Затем между ними тоже началась борьба, а национальное антиналоговое движение усилило раскол в армии. Спустя восемнадцать месяцев после смерти Кромвеля одно из подразделений армии под командованием генерала Монка решило, что ситуацию надо менять. Были проведены свободные выборы, и на престол пригласили Карла II.

Реставрация монархии

Реставрация монархии в лице Карла была безоговорочной. Было объявлено, что его правление началось в момент смерти его отца. Те акты Парламента, на которые его отец дал согласие, остались в силе; все остальные потеряли законную силу (например, все королевские и церковные земли, распроданные при республике, возвратили прежним владельцам, но в то же время роялистам, заплатившим штрафы или выкупившим свои поместья при республиканском законодательстве, компенсации не выплатили). Парламент сохранил те полномочия, которыми он обладал при Елизавете и в начале правления Стюартов (за исключением беззубого закона, требовавшего трехлетнего срока полномочий Парламента, – закона, который Карл II проигнорировал в 1684 г. без протеста со стороны народа). После Долгого парламента и тех, кто во время междоусобицы отрицал власть Парламента так же легко, как это делал Карл I, казалось бессмысленным выстраивать его как противостояние Короне. Акт о реставрации скорее ограничивал королевскую власть, усиливая власть на местах. Карл II согласился на упразднение прерогатив Двора и на ограничение судебной власти Тайного совета (теперь ослабленного и уже неспособного проводить свою политику), на отмену исключительных налогов. Местные дворяне получили большую, чем когда-либо, свободу управления графствами. Более того, проявив поразительную выдержку и смелость, Карл принялся обеспечивать для своего режима как можно более прочный фундамент. Он отказался проявлять особое расположение и доверие к своим друзьям и друзьям отца. На каждом уровне управления соблюдался баланс сил: в Совете, в распределении придворных должностей, в государственном аппарате, в суде, в органах самоуправления. Роялисты и умеренные парламентарии, пережившие период междоусобицы, а также сторонники Кромвеля – все получили места. В самом невыгодном положении оказались ссыльные роялисты. Карл предотвратил попытки парламентариев подвергнуть опале и наказанию врагов монархии. Только те, кто подписал смертный приговор Карлу I, и еще ряд людей были исключены из всеобщего Акта о прощении и забвении (один раздосадованный придворный назвал Реставрацию «актом прощения врагов короля и забвения его друзей»). Требовалось мужество для понимания, что лучше огорчить старых друзей (чтобы они не подвергли короля снова таким же испытаниям), чем огорчить старых врагов. Заговоры против Карла II были немногочисленными и предпринимались только радикальными религиозными сектами. Даже армия численностью менее 3 тыс. человек могла справиться с подобными угрозами.

Карл надеялся достичь взаимопонимания и в церковных установлениях. Он намеревался реставрировать национальную церковь Англии, сделав ее при этом приемлемой для большинства умеренных пуритан. В этих целях он предложил ряду таких умеренных епископский сан и издал временное установление («Декларация Вустер-Хаус») – указ, по которому власть и автономия епископов были сокращены, а спорные обряды и фразы из молитвенника стали не столь обязательными. Кроме того, Карл хотел предоставить свободу религиозных собраний (если не равные права) малочисленному меньшинству, состоявшему из пуритан и католиков, которые не признавали всеобщую национальную церковь. В течение полутора лет он пытался воплотить в жизнь это установление, но потерпел неудачу из-за противостояния радикально настроенного англиканского большинства в «кавалерском» Парламенте, отсутствия должной поддержки и компрометирующего поведения Ричарда Бакстера и других пуританских лидеров. Они отказались от высоких должностей, которые им предлагали, не признавали терпимости и продолжали выдвигать необоснованные требования на конференции, созданной для внесения изменений в молитвенник. Их шотландские коллеги, более гибкие и прагматичные, пришли к приемлемому для большинства своих собратьев соглашению.

В итоге Карл оставил попытки создать всеобщую церковь и подписал Акт о единообразии (Act of Uniformity), который возвращал, целиком и полностью, старую Церковь и обязывал духовенство соблюдать строгие правила. Как следствие, к концу 1662 г. каждый пятый представитель духовенства был изгнан из Церкви, и многие из них стали организовывать тайные религиозные собрания вне Церкви. Карл терпимо относился к

тем, кто не исповедовал англиканскую веру. Хотя в январе 1663 г. его первая попытка не увенчалась успехом, он мог утешиться тем, что изменил традиционные роли. До войны пуритане искали поддержки Парламента против короля, новые же нонконформисты должны были искать поддержки короля против Парламента, что в течение пятнадцати лет укрепляло политическое положение Карла. Тем не менее это было единственным слабым местом в проведении Реставрации. Всеобъемлющее политическое соглашение оказалось противопоставлено нетолерантному религиозному соглашению, касавшемуся узких кругов. Лишь немногие представители местной власти являлись диссентерами, но многие им сочувствовали и не хотели содействовать исполнению обвинительных законов, которые издавал Парламент против их религиозных собраний.

В целом у Карла возникли проблемы не из-за упомянутого установления, а из-за его предпочтений в проведении политики. В каком-то смысле он был ленивым королем. Его юность и ранняя молодость прошли в ожидании возможности взойти на престол, и, когда он вернулся из ссылки, все его цели были достигнуты. Он единственный из Стюартов, кого нельзя назвать мечтателем, он не вынашивал долгосрочных планов. Он мог с легкостью отступать, когда встречал сильное противодействие своей политике. Ему не доставало проницательности, и он не был лишен предубеждений и предпочтений. Он отличался рационализмом, вел светскую жизнь; у него было много любовниц и семнадцать признанных незаконнорожденных детей; он был циником, считавшимся с человеческой природой, интеллектуалом, проявлявшим повышенный, порой даже слишком, интерес к делам Королевского общества, созданного при его вступлении на престол. Но к этому интеллектуальному эмпиризму прибавлялся эмоциональный и духовный мистицизм, унаследованный от родителей. Карл верил, что обладал почти божественными способностями и свойствами (ни один король не прикасался столь часто к больным «королевской болезнью», сопровождающейся отталкивающими опухольями желез и золотушными расстройствами, которые короли, как считалось, обладали способностью излечивать). Помимо этого он был сторонником Римско-католической церкви. Его мать, жена, брат и любимая сестра были католиками, и хотя его *bonhomie* (добродушие) помогало ему легко принимать многие вещи, по-настоящему он был предан только своей семье. Карл знал, что, пока будет в силе католицизм, будет сильна и монархия. Верность католиков своему покровителю не оставляла сомнений. Если король и принимал всерьез какие-либо религиозные установки, то это были законы католичества (что касается его любовниц, то Карл говорил, что он не верит, будто Бог проклянет человека только за то, что тот между делом позволит себе немного удовольствия). Он был сторонником католицизма и дважды проявил свое предпочтение (тайным договором с Францией в 1670 г. и принятием католичества перед смертью). Он был слишком благоразумным политиком, чтобы открыто заявлять о своих убеждениях, кроме как на смертном ложе. Однако его веротерпимые взгляды были очевидны. По этим причинам, а также из-за нескрываемого восхищения короля перед своим кузеном, Людовиком XIV Французским, в Англии росло беспокойство.

В 1660-1661 гг. доходы Карла составляли очень крупную сумму (1,2 млн фунтов стерлингов в год); их источником являлось главным образом косвенное налогообложение. В начале правления ему было недостаточно этих средств из-за неумелого распоряжения деньгами, и в результате он не чувствовал себя свободно в финансовом отношении. У него не было возможности вводить дополнительные налоги, не обращаясь к Парламенту, и он сократил свои расходы. Таким образом, хотя Карл обладал абсолютным правом проведения внешней политики, объявления войны и заключения мира, Парламент мог отказать ему в выделении необходимых средств без объяснения причины.

Эпохе был нужен талантливый администратор и реформатор наподобие Томаса Кромвеля при Генрихе VIII, но такого человека не было. Требовались новые формы принятия политических решений и проведения политики. Совет был слишком многочисленным и плохо организованным для эффективной работы; решения слишком часто принимались на собраниях, устроенных *ad hoc* в покоях короля, и на таких же

собраниях отменялись. Это приводило к полной неопределенности, а подчас даже к панике по поводу того, кто будет держать ответ. Когда Совет был лишен власти, проведение политики предоставили отдельным министрам и ведомствам при отсутствии соответствующей координации между ними. Назначение на должности производилось хаотически. Работа Парламента в равной степени была неэффективной, его представители предъявляли все больше необоснованных требований. Карл, понимая, что парламентарии, избранные в 1661 г., были верными роялистами и оправдывали его доверие, оставлял «кавалерский» Парламент в том же составе в течение восемнадцати лет, созывая его почти ежегодно. Отчасти его неэффективность была обусловлена растущим соперничеством между двумя палатами, особенно из-за требования Палаты лордов взять на себя полномочия упраздненных судов примирительного производства; на ряде заседаний они занимались только этим вопросом. Отчасти причиной плохой работы Парламента было отсутствие программы. Этот орган власти, включавший в себя несколько сотен человек, среди которых не было признанного лидера, в основном проводил время, решая, какие же вопросы выносить на обсуждение. Шестидесятые и семидесятые годы XVII в. ознаменовались борьбой главных министров из числа Палаты лордов за главенство в суде и были отмечены застоєм в деятельности обеих палат. Положению Карла ничто не угрожало, ни на родине, ни за границей. Эйфория первых лет правления сменилась своего рода политической депрессией, когда эпидемия чумы, унижительное голландское вторжение, проникшее вплоть до Медузы во время второй голландской войны (1665-1667) и Большой пожар в Лондоне (1666) подорвали уверенность 1660-1661 гг. в том, что Бог благословит землю, которая взялась за ум.

На политической арене было много неудач: не удалась главная попытка ввести веротерпимость (1672-1673), задерживалась выплата процентов с займов (1672), в Парламенте имелись серьезные разногласия, когда члены «кабального» правительства обвиняли друг друга за их совместный провал (1674-1675). Единственный раз угроза власти короля возникла во время кризиса в 1678-1681 гг. Это началось с разоблачительных показаний Титуса Оутса, Израэля Тонга и других авантюристов относительно папистского заговора с целью убийства Карла и приглашения на трон Якова, его брата-католика. Это была наиболее правдоподобная из множества историй, но в то же время в ней было много придуманного. Таинственная смерть судьи, ведущего это дело, и находка тайной переписки личного секретаря Якова добавили напряжения. В итоге Парламент предпринял полномасштабную попытку провести в связи с этим парламентские слушания о возможности наследования Яковом престола, поколебав таким образом идею Карла о божественном праве короля.

В действительности политические лидеры «движения за Исключение» стремились по меньшей мере подрезать крылья как Карлу, так и Якову. В течение первого года их целью был не Яков, а главный министр Карла, кавалер-англиканин граф Дэнби. Как это ни странно, но очевидно, что граф Шефтсбери, лидер оппозиции, видел в политике Дэнби такую же угрозу вольностям, как и в Якове. Принципы Дэнби были прямо противоположны принципам Шефтсбери. Он разработал новые методы управления Парламентом, централизовал контроль над финансами, нарушил равновесие интересов в органах местного управления в пользу кавалеров-англикан, по всей видимости, был не прочь создать постоянную армию для мирного времени и вступил в союз с голландцами против французов. Шефтсбери, перебежчик во время гражданской войны, член Бербонского парламента, член кромвелевского Государственного совета, а затем служивший при Карле в качестве канцлера казначейства и лорд-канцлера, постоянно выступал за свободу Парламента, децентрализацию, веротерпимость, против постоянной армии и голландцев. Политика Дэнби обеспечивала Карлу II спокойную жизнь, Шефтсбери смотрел на это как на зарождающийся абсолютизм. По сей день существует мнение, что папство и автократическое правление неразрывно связаны, а Дэнби может быть представлен как тайный агент папистов, несмотря на то что он был безупречным англиканином. Только

когда Дэнби был заключен в Тауэр, Шефтсбери обратился к «движению за Исключение», пытаясь решить этим все вопросы. В его намерения входило подвергнуть сомнению теоретическое основание божественного права короля и создать условия для активной политической деятельности и согласия (сохранение «движения за Исключение» после смерти Карла, готовность к тому, что Яков не примет его без борьбы). Чтобы сохранить Исключение, Шефтсбери организовал первую политическую партию в истории Англии. Его «виги» занимались массовой пропагандой, подавали петиции, организовывали демонстрации, координировали кампании во время трех подряд всеобщих выборов (1679-1681).

Они потерпели неудачу. У Карла на руках были все козыри. Виги неизбежно раскололись на два лагеря по поводу вопроса о том, кто будет наследником вместо Якова: Монмут, любимый незаконнорожденный сын короля, или Мария, дочь Якова, протестантка. Почти без исключения виги действовали только законным и мирным путем. Память о гражданской войне была слишком сильной, чтобы решать вопросы, прибегая к насилию. Карл между тем мог использовать свою власть, чтобы созывать и распускать Парламент, когда ему это было нужно, что он и сделал. У него было достаточно сторонников в Палате лордов, которые могли противостоять оппозиции. Подъем в торговле увеличил королевские доходы, и Карл не испытывал финансовых затруднений; его политика уступок, но только не сторонникам Исключения подкупила многих умеренных членов Парламента. Шефтсбери фатально ошибался, полагая, что на Карла можно оказать давление. Он так и не понял, что король будет всегда уступать в вопросах проведения политики, но никогда в вопросах, затрагивающих его принципы. Он бы никогда не отказался от своего божественного права. Самой большой жертвой с его стороны мог оказаться развод с бесплодной королевой (которую он уважал, если не сказать боготворил), повторная женитьба и решение проблемы наследования с помощью супружеского ложа. Это было бы высшим проявлением его политического стиля.

Снова железная выдержка, прагматизм и готовность на все – качества, которые государь продемонстрировал в 1660 г., – помогли ему исправить положение. Нация, измученная трехлетним политическим тупиком, отступила, присмотрелась и последовала за ним. В последние годы Карл умел устранять тех, кто стоял у него на пути, вознаграждать тех, кто поддерживал его, и в результате наслаждаться спокойной жизнью. Он оставил народ под управлением тех и для тех, кто верил в божественное право королей, божественное право английской церкви и в божественное право представителей власти на местах управлять вверенной им территорией. Самодовольство тори-англикан было безграничным, когда они приветствовали на троне Якова II, короля, чьи права они защищали. Этой радости суждено было смениться тяжелым потрясением.

Яков на деле оказался фанатиком. Во время своего правления в Шотландии в 80-х годах XVII в. он был свидетелем жестоких репрессий и угнетения протестантских диссентеров (*conventiclers*). Хуже того, Яков считал себя умеренным. У него не было намерения стать абсолютистским королем по европейскому образцу. Но поскольку подъем в торговле способствовал повышению королевских доходов (и его первый Парламент, собравшийся под угрозой вооруженной борьбы за трон любимого незаконного сына Карла, герцога Монмута, проголосовал за более высокие выплаты), он смог набрать армию численностью 20 тыс. человек. Армия отличалась профессионализмом и нейтральными политическими взглядами ее командиров. Яков дважды предлагал Карлу с помощью своей немногочисленной армии избавиться от причиняющих беспокойство парламентов. Он бы без колебаний направил армию против непокорного собрания, но в его планы не входило правление без Парламента. Действительно, потерпев поражение, он предпринял очень расчетливый шаг – попытался «провести» в Парламент своих сторонников. До начала 1688 г. у Якова не было детей от второго брака, в котором он состоял более десяти лет. Уже в возрасте пятидесяти лет Яков выбрал себе в качестве наследников свою дочь-протестантку Марию и ее мужа-голландца Вильгельма Оранского. Он хотел, чтобы его

собратья по вере пользовались равными религиозными и гражданскими правами. Это означало не только освобождение от всех наказаний и неправоиспособности по Законам о наказаниях (штрафы за непослушание англиканского богослужения) и Тест-акту (недопущение католиков к официальным постам и оплачиваемым должностям на королевской службе), но и уравнивание католической церкви с англиканской. Это значило установление католической иерархии, диоцезной структуры и выделение публичных мест для проведения служб. В эти требования входило также приспособление университетов под нужды Церкви (возможно, даже превращение, или «восстановление», некоторых колледжей в католические семинарии). Вероятно, это привело бы к освобождению католиков от выплаты десятины и подчинения англиканским судам. Яков искренне верил в то, что, сняв запреты на католическую веру и устранив все религиозные и гражданские неравенства, можно добиться возвращения сотен людей к этой вере. Он верил, что предоставление католикам «равного статуса» является гуманной и умеренной программой. Коротко говоря, если определенная позитивная дискриминация была необходимой, чтобы благоприятствовать католикам в назначении на общегосударственные и местные должности, то на деле все это было не более чем исправлением.

Тот факт, что политические сторонники англикан-тори были возмущены, не нуждается в пояснении. Они оказались более верными Церкви, чем выбранному ими королю. Вскоре Яков понял, что Парламент тори-англикан никогда не откажется от антикатолического курса и задержит выполнение королевского указа, с тем чтобы после его смерти посадить на трон протестантского наследника. Тогда он предпринял отчаянную попытку проигнорировать аристократов-тори и создать союз католиков и протестантов-диссентеров. Три четверти мировых судей, как и большинство лордов-лейтенантов, были уволены, Новые люди были более низкого происхождения; чистка, предпринятая Яковом, вызвала более масштабную социальную революцию в местном самоуправлении, чем в 1646-1660 гг. Король отозвал хартии многих городов и реорганизовал систему их управления, отдав власть в руки диссентеров (это было особенно важно, для того чтобы создать в Парламенте симпатизирующее ему большинство). Чтобы склонить диссентеров на свою сторону, была принята Декларация индульгенции (Declaration of Indulgence), предоставлявшая им полную свободу вероисповедания.

Тори-англикане были уязвлены, но они не применяли насилия. Они рассчитывали на то, что все утрясется само собой; Яков умрет, и его сменит Мария, тогда они возьмут свое. Они надеялись, что молчаливая непокорность сделает успех Якова неполным. Семь епископов решили объяснить королю, почему они не подчинились его приказу и не отдали распоряжения священникам прочитать прихожанам Декларацию религиозной терпимости. Вместе с тем они призвали Церковь поддерживать терпимость англикан по отношению к протестантским диссентерам. Яков отдал этих епископов под суд за распространение бунтарских листовок, но даже королевские судьи не согласились с его решением, и епископы были оправданы. Однако самодовольство тори в 1687 г. («Над нашей доктриной «несопротивления» и постоянной пассивной покорностью нельзя смеяться», – писал маркиз Галифакс) сменилось изумлением и страхом в июне 1688 г. с рождением сына и наследника Якова II. Теперь возможность продолжения династии ярых католиков стала реальной.

Ирония заключалась в том, что если для многих англиканских лидеров религия была важнее их политических принципов, то многие диссентеры выдвигали на первый план собственные политические установки. Они не обманывались на тот счет, что Яков использует их для достижения своих целей на данный момент. Поэтому лидеры обеих партий объединились в отчаянной попытке пригласить в Англию Вильгельма Оранского в сопровождении вооруженного отряда для оказания давления на Якова. Возможно, они действительно верили, что их действия вынудят последнего согласиться на униженные для него условия Вильгельма: отменить указ, формировавший состав Парламента в соответствии с предпочтениями короля, и издать другие указы, возвращающие «свободный» Парламент; объявить войну Франции; создать комиссию по проверке

законности права наследования у принца Уэльского. Лишь немногие хотели присоединиться к вооруженному вторжению Вильгельма, но сторонников того, чтобы хоть пальцем пошевелить и помочь Якову, было еще меньше.

Чего бы ни ожидали те, кто пригласил Вильгельма, сам он был намерен свергнуть Якова с престола. Он пошел на довольно большой риск, оправданный лишь необходимостью использования военных, военно-морских и финансовых ресурсов Британии в борьбе с Людовиком XIV. Но как он рассчитывал получить трон, было не совсем понятно. В течение нескольких недель его могли объявить совместным правителем с Марией, так как Яков переживал полнейший упадок духа. Его армия так и не встретилась с армией Вильгельма. Последний высадился на берег Англии в Торби 5 ноября и двинулся на восток. Яков привел свою армию в Солсбери, где задержался из-за непрекращающегося кровотечения из носа. Поскольку поведение короля становилось все более странным и маниакальным, профессиональные офицеры и военачальники покинули его. Яков отступил к Лондону и сразу же оказался в руках Вильгельма. Но даже тогда его положение не было безнадежным. Ряд неопределенных обещаний позволил ему вернуть расположение большинства пэров и наиболее знатных дворян. Но здравый смысл покинул короля. Он дважды бежал (в первый раз, к досаде Вильгельма, его поймали на побережье Кента рыбаки и с самыми добрыми намерениями отослали обратно). Его побег во Францию и последовавшие затем публичные обещания Людовика XIV оказать ему поддержку в возвращении на престол, а также однозначное заявление Вильгельма о том, что он не будет защищать королевство, пока не разделит трон со своей женой, – все это не оставило политической элите никакого выбора. Почти все виги и многие тори, тщательно все взвесив, решили, что Яков должен оставить трон, который перейдет в руки Вильгельма и Марии. Славную революцию 1688 г. ожидали еще меньше, чем Великое восстание 1642 г.; ее последствия, возможно, имели еще большее значение.

Оказала ли Английская революция какое-либо продолжительное воздействие на власть Короны? Оно было на удивление небольшим. В 80-х годах XVII в. финансовое положение Короны значительно улучшилось, аппарат государственной службы разрастался, хотя его работа все еще не была эффективной, обстоятельства, как никогда ранее, благоприятствовали созданию регулярной армии. Парламенты показали, что не способны одержать над королем победу, налагая ограничения, выдвигая неприемлемые для него условия либо лишая его полномочий, которыми он обладал до этого. Королевские прерогативы в 80-х годах мало отличались от тех, что были в самом начале столетия. Король мог налагать вето на те законы, которые не одобрял; он мог избирательно освобождать отдельных людей от действия законов; мог даровать прощение любому по собственному выбору. Он сам выбирал собственных советников, судей, высших управляющих и мог по своей воле смещать большинство из них. Он не был обязан прислушиваться к чьим бы то ни было советам. Если он и потерял большую часть своих феодальных доходов и полномочия собирать деньги «по собственному усмотрению» (discretionary), парламентские налоги, как бессрочные, так и пожизненные, сполна компенсировали эту потерю.

Единственное действительно значительное ослабление королевской власти связано с законом 1641 г., который запретил те суды и советы, которые частично находились под контролем короля. Самым важным ограничением стало лишение Тайного совета судопроизводственных полномочий. Лишенный зубов, Совет перестал быть исполнительным, активно действующим органом, контролирующим, стимулирующим и руководящим работой местного управления, и стал тем, чем был вначале: местом для общих разговоров, где король мог выслушать совет. По всей видимости, он никогда не функционировал ни при Стюартах, ни при Тюдорах; Яков I позволил фракционности Совета развиваться до уровня Парламента; Карл I не желал слышать никаких альтернативных мнений от группировок Совета. Ему нужны были марионетки, лишь одобряющие его предубеждения. Карл II вершил политику тайно, собирая министров на

краткие встречи в частных резиденциях, чтобы никто не был посвящен в то, что происходит. По разным причинам каждый из этих монархов поощрял рост числа секретных комитетов Совета, включавших людей, которые занимали ключевые должности. Здесь формировалось ядро кабинета министров XVIII в. Другие особые суды по церковным и иным делам, ликвидированные в 1641 г., включали Звездную палату, Высокую комиссию, Запросы (Requests) и – скорее случайно, нежели умышленно, – Региональные советы Севера и марок Уэльса. Карл II был ограничен в деле Реставрации не со стороны джентри в Парламенте, а со стороны джентри в провинциях. Почти все способы, при помощи которых Тюдоры и первые Стюарты могли подчинять непокорные сообщества графств, были исчерпаны. Управление, как никогда ранее, осуществлялось при их активном участии. В 60-х годах XVII в. все налоги, за исключением таможенных пошлин, все церковные законы, такие, как Акт о единообразии (Act of Uniformity), Акт о тайных собраниях (Conventicle Acts) и Пятимильный акт (Five Mile Act), и большинство вопросов безопасности были доверены магистратам джентри без права пересмотра из решений в центральных судах.

Таким образом, упразднение монархии и опыт республиканского правления не оказали большого воздействия. Даже память о публичном суде над Карлом I, его осуждение и обезглавливание не умили притязаний монархии на власть, право на которую даровано Богом, равно как и не заставило проявлять большее уважение к Парламенту. В конечном счете все поняли, что цареубийство дорого им стоило, поскольку скорее увеличило, чем уменьшило притеснения со стороны короля. Проблема соответствия денежных средств и платежеспособности стала осознаваться яснее; но проблемы сами по себе не усилились и не ослабли. Альтернативой для Англии было либо укрепление центральной исполнительной власти и администрации в ущерб независимости джентри, либо дальнейшее ослабление центра, превращение страны в ряд полуавтономных графств-государств, самоуправляемых, облагаемых заниженными налогами, стагнирующих. Последнего желали сторонники «партий графств», заметные в Парламенте в 20-х годах XVII в., нейтралистские группы времен гражданской войны и многие виги в 70-х и 80-х годах. Этого хотели также и республиканцы, такие, как Джон Мильтон, который восхищался голландской республикой и страстно желал такого же олигархического гражданского гуманистического развития для Англии. Что важнее всего, это составляло идеал таких демократических группировок, как левеллеры, которые хотели, чтобы губернаторы были более подотчетными и чтобы правительство считалось со свободами независимого народа, и поэтому настаивали на передаче власти избираемым на местах мировым судьям и присяжным. Но такие «сельские» (country) идеологии были несовместимы с развитием мировой империи. Экспансия в Вест-Индии и вдоль Восточного побережья Северной Америки (от Каролины до залива Св.Лаврентия), значительные торговые связи с Южной Америкой, Западной Африкой, Индией и Индонезией, даже охрана жизненно важных торговых путей в Южном и Восточном Средиземноморье требовали значительной морской и военной силы. Этого можно было достичь только путем расширения компетенции государства в сфере налогообложения и ведения войны. После 1689 г. от Людовика XIV и изгнанного Якова II исходила двойная угроза восстановления католичества и абсолютизма, но в итоге она была преодолена посредством необходимых конституционных и политических преобразований, как будет показано в следующей главе. Век Стюартов оказался веком неразрешенных противоречий.

Интеллектуальная и религиозная жизнь

Если не для монархии, то по крайней мере для Церкви Англии XVII век стал периодом разочарований. Ко времени Славной революции 1688 г. интеллектуальный, моральный и духовный уровень власти оказался ниже, чем в 1603 г. В начале века англиканство заняло наступательную позицию. Результатом событий 1559 г. стало соглашение, призванное служить различным политическим нуждам; оно сочетало в себе протестантскую доктрину и

католическую практику. Рвение первых поколений пуритан отличалось большей силой, потому что, находясь в изгнании, в которое их отправила Мария, они оказались свидетелями эффективности реформ в Европе. Новое поколение 90-х годов XVI в. и первого десятилетия XVII столетия не знало другой Церкви и любило ритмы англиканского литургического года и каденции литургии Кранмера. Работы Джуэла, Хукера и Эндрюса представили Церковь Англии как самую лучшую из Церквей, отмеченную вниманием апостолов и имеющую давнюю историю, начиная с кельтской церкви, от которой она унаследовала больше, чем от раскольнической протестантской церкви, стала выше Римско-католической церкви, раздираемой внутренними противоречиями, и свергла власть римских епископов. Церковь Англии пользовалась репутацией не менее древней Церкви, чем Римская церковь, и она следовала предписаниям Христа с большей точностью. С такими притязаниями пуритане не могли легко смириться.

Стремление пуритан действовать в рамках Церкви все более возрастало. В своем отклике на вступление на престол Якова I они призвали к изменениям исключительно в рамках существующих правил. На конференции в Хэмптон-Корте в 1604 г., встрече епископов и пуритан, проходившей под председательством Якова, тема дискуссии всецело состояла в том, как сделать епископальную национальную церковь более соответствующей статусу евангелической. Пуритане хотели благочестивого государя, который, как император Константин 1200 лет назад, установит порядок в государстве, укрепит и защитит истинную религию. Им были нужны перемены. Даже те 5% населения, которые составляли неподчинившиеся католики, уступили интеллектуальному натиску, выразителем которого было англиканское духовенство. Самые горячие споры в первой четверти века касались обязанности католиков приносить клятву верности, а также отвергать папские притязания на то, чтобы контролировать их политическую лояльность. Аргументы англикан были сильнее, и католики, сохраняя верность своей вере, прекратили политическое сопротивление. «Пороховой заговор» был последним значительным папским заговором. Английское католичество, находившееся под контролем воинствующего дворянства, стало переходить под власть благоразумных пэров и дворян, мирно настроенных и активно шедших на политические уступки.

Протестанты отличались единством и даже согласованностью в действиях, что продолжалось вплоть до Долгого парламента. Пуритане привнесли в Церковь свои традиции, но число отделившихся по этому поводу от Церкви и объединившихся в отдельные группы было крайне невелико. Несколько сотен, может быть, тысяч человек предпочли переселиться в Новую Англию, чтобы не подчиняться той узкой интерпретации англиканской религиозной практики, как того требовал архиепископ Лод. Однако раскола не последовало.

В годы гражданской войны и «междоусобицы» происходил распад не только англиканства, но и английского пуританства. Изменилась структура Церкви Англии (упразднение сана епископа и церковных судов), отменили молитвенник и празднование Рождества и Пасхи, Соборы стали использовать как место для чтения проповедей или вовсе приспособили их под мирские нужды (в качестве барачных, тюрем, торговых рядов). Однако в тысячах приходо, несмотря на запреты, продолжали проводить службы и обряды по старым образцам. Но церковные лидеры не выдержали напряжения, Епископы бежали, прятались, хранили молчание. После их смерти их место никто не занял. К 1660 г. тем из них, кто остался жив, перевалило за семьдесят. Епископы Церкви Англии стали вымирающим видом.

Однако те, кто хотел вместо англиканства сделать ведущей кальвинистскую церковь, как это было в Массачусетсе, в Шотландии или в Женеве, потерпели неудачу. Пресвитерианской системе, разработанной Парламентом, не суждено было воплотиться в жизнь. Гражданская война породила великое множество сект и новых церквей. Баптизм, одна из немногих сильных подпольных церквей до 1640 г., получил широкое распространение через армию. Многие из новых группировок отрицали кальвинистские

представления об избранных, предопределенных к спасению. Они утверждали, что Божья милость доступна всем. Некоторые даже заявляли, что спасение получают все. Такие группы были наиболее распространены в Лондоне и в других больших городах. Самой большой сектой были квакеры, чей миссионерский евангелизм, проповедуемый в сельской местности, завоевал тысячи последователей в 50-х годах XVII в.: отвергая формализацию религии и показной авторитет «наемных священников» в их «домах с колокольнями», квакеры призывали людей искать искру Божью внутри себя, Святой Дух, нисходящий прямо к христианину, минуя Церковь и Священное Писание. Ненависть к формальным церемониям и десятина проявлялась в широкомасштабных акциях пассивного неповиновения. Один из их лидеров, Джеймс Нейлер, в 1656 г. был осужден вторым Парламентом протектората за богохульство. И хотя он избежал смертного приговора, его подвергли ряду жестоких телесных наказаний: члены Парламента не один час размышляли, какую часть тела ему отрезать.

После 1660 г. возврата к былому триумфу уже не было. Во время Реставрации Церковь могла бы вернуться к своим прежним формам существования, но для этого не было ни оснований, ни средств на восстановление общей целостности. Англиканская церковь занимала оборонительную позицию в сочетании с довольно агрессивной политикой. С прекращением деятельности Высокой комиссии и диоцезных судов она потеряла возможность наказывать отступников. Как общественный институт она утратила свое значение. В 1660 г. празднование Пасхи и возвращения Майского дерева носило скорее стихийный характер и состоялось только потому, что эти праздники были тесно связаны с народной культурой. Однако вполне можно было бы оставить эти случаи без внимания. Решение 1662 г. упростить церковную службу стало причиной ухода из Церкви двух тысяч представителей духовенства. Несмотря на попытки пресекать незаконные собрания, баптисты, квакеры и другие приверженцы радикальных взглядов продолжали свою деятельность. Более того, десятки тысяч диссентеров, придерживавшихся умеренных пуританских традиций, в 1662 г. пересмотрели свои взгляды насчет того, входить им в национальную Церковь (хотя им никто этого не предлагал) или сохранить верность чистому почитанию Бога. В 80-х годах XVI в. – первом десятилетии XVII в. они предпочитали «ожидать действий магистрата» и оставаться в рамках Церкви, пока не наступят лучшие времена. В период Реставрации диссентеры все больше склонялись к отделению. В начале XVII в. они закладывали «побольше благочестия в Вавилоне»; теперь же они отказались от такого приспособления и ушли в схизму. Акт о терпимости (Toleration Act), принятый в 1689г., стал официальным признанием религиозного плюрализма. Не имея возможности привлекать к ответственности тех, кто не являлся ее членом, а также привлекать людей в свое лоно, Англиканская церковь как духовная сила оказалась истощенной.

В начале и середине XVII в. большинство интеллектуалов и представителей власти считали, что благочестие, дисциплина и порядок вошли в жизнь английской нации по велению Божьему. Бог ведет Свой народ в землю обетованную, где царит мир и справедливость и где люди любили бы Его и преклонялись перед Ним, что является их обязанностью. Этот взгляд на лучшую жизнь, как ответ на Божий призыв, разделяли Яков и Карл I, Уэнтворт и Лод, Пим и Кромвель. Все политические документы были проникнуты глубоким убеждением, что Бог творит человеческую историю и что Он виден во всех проявлениях человеческой жизни. Пьесы Шекспира, поэмы Донна, идеи Генри Паркера и молодого Джона Мильтона подтверждают эту точку зрения. Пьесы же Марло составляют исключение, которое подтверждает правило.

Во время «междоусобицы» подобных надежд не осталось. Удар, полученный в результате казни короля, лишил большинство роялистов веры в Божий промысел; еще более сильное ощущение предательства у радикалов (1660) объясняет их последующее политическое бездействие. Им было очень тяжело перенести боль от предательства после столь явного свидетельства Божественного благоволения. Пуритане и их последователи,

наоборот, всецело приняли идею Царства Божьего. Они принимали мир как скопление греха и несовершенства. Сквозь пелену слез каждый должен искать свой покой, основанный на собственном достоинстве. Признание ограниченности возможностей Церкви и государства определяло идеологию конца XVII в. Это видно в личности Карла II, чей желчный взгляд на мир сочетался с глубоким личным мистицизмом, в латитударианстве епископов и официального духовенства, а также в отказе диссентеров следовать нормам национальной Церкви. Некоторые продолжали верить во второе пришествие (сэр Исаак Ньютон наряду с открытием физических законов предсказал, когда это произойдет, опираясь на Апокалипсис), однако большинство придерживалось позиций реализма. Джон Мильтон героически выступал против Бога, который в 40-50-х годах XVII в. вел Свой народ только затем, чтобы предать его в 60-х. «Потерянный рай» рассказывал о Всемогущем Создателе, позволившем человеку оступиться, «Возвращенный рай» – об искушении Христа в пустыне, об ошибочном мирском взгляде на Евангелие. Возможно, республиканцев заманили на ложную тропу. Произведение «Самсон-борец» рассматривает проблему человека, одаренного Богом необыкновенной силой, но так и не сумевшего ею воспользоваться. Точно так же как Самсон увлекся Далилой и лишился своей силы, республиканцы в 50-х годах перевели свое внимание на поиски выгоды и упустили шанс, данный Богом. Но наиболее типичная пуританская работа эпохи Реставрации – это «Путь пилигрима» Беньяна, произведение, обращенное к проблеме поиска мира и спасения для каждого отдельного человека.

Христианство становилось деполитизированным и демистифицированным. Обычные англиканские трактаты конца XVII в. носили такие названия, как «Разумность христианства» и «Христианство без тайн». Если раньше на Бога смотрели как на самую основу природы и жизни, то теперь он стал творцом, запустившим механизм жизни, духом, действующим внутри человека и заставляющим его соблюдать нормы морали. Проповеди подчеркивали важность добрососедства и милосердия. Священники проповедовали, что религиозный долг заключается в том, чтобы жалеть стариков и животных. Идеи об изменении мира волновали их в меньшей степени. Представитель диссентеров Джон Локк, выступавший за религиозную терпимость, смотрел на Церковь как на свободное общество людей, собирающихся вместе для почитания Бога наиболее предпочтительным для них образом. Религия потеряла свое значение, стала чем-то вроде увлечения. Властям не нужно беспокоиться о том, что происходит на частных собраниях. Пуритане предыдущих поколений не могли и представить себе подобное.

Ослабление религиозных чувств, ломка мировоззрения, сказавшаяся на религии в целом, проявились в литературе и науке. Театр эпохи Реставрации отличается от театра эпохи короля Якова не только вульгарностью и тривиальностью, но и мирским характером. Метафизическая поэзия, которая коренилась в религиозном опыте восприятия природы, уступила место религиозной поэзии – либо рассудочной и холодно-рациональной, либо еще более бесплотной и потусторонней.

Обмирщение повлияло также на изобразительное искусство. Загородные резиденции Тюдоров и Стюартов подчеркивали патриархальные христианские ценности, так как они содержали помещения для слуг и общие столовые. Размещение людей за столом могло отражать их социальный статус, но при этом сохранялась свобода общения. К концу XVII в. были построены новые дома с интимными покоем и личными столовыми, в то время как слугам была отведена отдельная территория. Эти дома располагались в огромных парках, окруженных высокими стенами и охраняемых егерями.

В XVII столетии, как и в XVI в., строилось мало церквей. Пожалуй, большая часть новых церквей была построена в Лондоне после Великого пожара 1666 г. Существовал, однако, сильный контраст между яркостью и благочестивой выразительностью церквей и часовен эпохи ранних Стюартов, таких, как в Петерхаусе в Кембридже, и холодным, ясным, рационалистическим духом лондонских церквей Рена. Аллегорические изображения из цветного стекла и темная деревянная обшивка уступили место мрамору. Вместо

изображения усопших в лежащем положении стали устанавливать вертикальные статуи мужчин и женщин, погруженных в раздумья о своем моральном долге.

В изобразительном искусстве на смену контрреформационному стилю Испании, Испанской Италии и Испанских Нидерландов, пышности, соединявшей реальный и сверхъестественный миры, пришло влияние Людовика XIV Французского, наслаждающегося своей расточительностью и потакающего собственным слабостям. В начале XVII в. художники, музыканты и поэты объединились для создания театра масок, который мог бы свести воедино достижения цивилизации и христианские ценности, зрителей, вовлеченных в действие, фантазию и реальность. Театр масок Иниго Джонса и Бена Джонсона произвел такое впечатление на Карла I, что он поверил, будто его подданные скоро проникнутся благочестием и добродетелью и он сможет так же легко добиться порядка и единства в государстве, как и на сцене. Иного рода иллюзия околдовывала в условностях оперы, сходной формы искусства в конце XVII в. Если писатели в начале правления Стюартов обращались к героико-трагической тематике, то писатели конца их правления перешли на привычное нравоучение романа и сатирический эпос Драйдена и позднее Поупа.

Наука эпохи Реставрации также была светской. В 40-50-х годах XVII в. ученые стремились к так называемому «великому восстановлению». Опираясь на идеи Фрэнсиса Бэкона и следуя мысли таких «социальных инженеров-визионеров», как Сэмюэль Хартлиб и изгнанник из Чехии Ян Амос Коменский, пуританские политики ставили перед собой цель продолжить развитие науки и построить Прекрасный новый мир. Человек должен покорить природу. С помощью достижений медицины нужно победить болезни, а развитие сельского хозяйства могло бы покончить с голодом и нуждой. Реформирование системы правосудия и образования способно дать людям возможность спокойно жить при новом порядке. Однако в протестантской эсхатологии была и другая сторона, и в 1660 г. научный Сион, подобно другим Сионам, исчез. Конец XVII столетия в Королевском обществе ознаменовался не планами, а постепенными пополнениями знаний и совершенствованием науки. Принципы точного наблюдения, измерения и индуктивного рассуждения, предложенные Фрэнсисом Бэконом и доработанные французом Рене Декартом, позволили значительно продвинуться в изучении растительного и животного мира. Открытие Гарвеем циркуляции крови, как раз перед гражданской войной, положило начало более глубокому изучению анатомии и физиологии во второй половине века. Произведение Исаака Ньютона «Математические начала натуральной философии» (1687) стало основой понимания физических законов на протяжении двух веков, а работы Роберта Бойля по химии и Роберта Гука по геологии дали основу для возникновения новых дисциплин путем проведения опытов и наблюдений. Развитие естественных наук нанесло серьезный удар по старым тайнам. Исследование движения небесных тел разрушило в интеллектуальных кругах веру в астрологию. Вообще, открытие естественных законов на удивление быстро принесло с собой уверенность в том, что всё имеет естественное объяснение. Царство магии, ведьм и колдовства потеряло свою силу с появлением образованных людей. В 40-х годах XVII в. преследование ведьм почти прекратилось. Это произошло не потому, что люди перестали верить в проклятия и колдовство, а потому, что они не могли представить убедительные аргументы скептически настроенным судьям и присяжным заседателям. Однако наука и техника развивались не во всех направлениях. Экономика все еще находилась в зависимости от физических сил человека и используемых в хозяйстве животных. Еще ничего не было сделано для использования пара, не говоря уже о газе и электричестве как об источниках энергии. Добыча минералов и плавление руды натолкнулись на очередные технологические препятствия. Менялись научные взгляды, но экономика оставалась прежней.

Политическая мысль также принимала мирской характер. Томас Гоббс лишил суверенитет его моральной основы. В «Левиафане» (1651) он заменил идею законности как оправдание политической власти идеей концентрации власти де-факто, которая

предоставляла защиту подчинявшимся ей субъектам. Макиавелли все так же считался одиозной личностью, но некоторые его идеи звучали все более убедительно и использовались в споре с Робертом Филмером и другими поборниками Стюартов и идеи Богом данного права властвовать.

Таким образом, Английская революция стала поворотным моментом в истории страны. Возможно, она не дала желаемых результатов соперничающим партиям и сделала еще меньше для изменения социальных и политических институтов. Однако она затронула духовные ценности, по крайней мере политической элиты. Век, начало которого прошло под влиянием христианского гуманизма, рыцарства, почтения к древностям, сменился веком прагматизма и индивидуализма. В своем втором «Трактате о государственном правлении» (1690) Джон Локк писал, что «все люди находятся в состоянии абсолютной свободы и могут управлять своими действиями, распоряжаться своими вещами и другими людьми так, как они сочтут нужным, не спрашивая позволения, будучи независимыми от воли другого человека». Идеи, которые хотел донести Локк, можно было воплотить в жизнь, только развенчав прежние идеалы; но их реализация стала возможной лишь в последующие десятилетия.